

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

КАРЛО А. МАРТИЛЬИ

Непредсказуемая
и небанальная книга.
Беспорный бестселлер.
Мартильи знает,
как держать читателя
приклеенным к страницам.

La Repubblica

ВЫБОР ЗИГМУНДА

Исторические триллеры автора разошлись тиражом **500 000** экземпляров

Иностранный детектив

Карло Мартильи
Выбор Зигмунда

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)

Мартильи К. А.

Выбор Зигмунда / К. А. Мартильи — «Центрполиграф»,
2016 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-08824-6

Профессор Зигмунд Фрейд, знаменитый психолог и отец психоанализа, получает от папы римского Льва Тринадцатого приглашение приехать в Рим и провести за хорошее вознаграждение одно важное исследование. Профессору нужны деньги, к тому же он давно мечтает побывать в Риме. И он отправляется в путь. Папа хочет, чтобы профессор обследовал методом психоанализа трех самых влиятельных кардиналов, которых Лев считает наиболее вероятными своими преемниками. Старец чувствует, что доживает последние дни, и считает своим долгом не допустить, чтобы после его смерти на папский престол был избран недостойный человек. А причины для беспокойства вполне реальные: совсем недавно под одним из окон Ватиканского дворца были найдены тела погибших юноши и девушки. Двойное самоубийство сомнительно. Но если произошло убийство, не замешан ли в этом кто-то из иерархов? Начинается увлекательная и порой рискованная игра, правила которой несколько раз меняются с течением времени...

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)

ISBN 978-5-227-08824-6

© Мартильи К. А., 2016

© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Карло Мартильи

Выбор Зигмунда

Эта книга – художественный вымысел. Реальные люди и места упомянуты здесь с целью придать рассказу правдоподобие.

Книга должна быть топором для ледяного моря, которое находится внутри нас.

Франц Кафка

CARLO A. MARTIGLI

LA SCELTA DI SIGMUND

romanzo

This edition published in agreement with Piergiorgio Nicolazzini Literary Agency (PNLA)

First published in Italy in 2016 by Mondadori Libri

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

Зигмунд Фрейд очень любил Рим и его историю. Летом 1903 года он во второй раз посетил этот город. Это, собственно, не были «каникулы», и у него было мало времени на развлечения. Однако эти немногие недели оставили в его судьбе глубокий след и дали способ углубить свои теории, убедили его в том, что научный метод не всегда работает в науке. А потому, когда из-за некоторых событий ему пришлось сделать трудный выбор между разумом и чувством, он послушался чувства. Но он никогда никому не говорил об этом.

Глава 1

Рим, пятница, 5 июня 1903 года

Между первым и вторым этажом девушка остановилась и на секунду прикрыла глаза. Мрамор старинных ступеней наполнял ее босые ступни приятным ощущением прохлады и чистоты. И то же ощущение исходило от льняного платья, которое сшила ей мать из старых вещей, некогда полученных ею в приданое, но ни разу не использованных. Во время короткого пути по улице Дель Фалько до Ватиканского дворца легкий западный ветерок, ослаблявший жару первых июньских дней, лукаво забирался под ее новые трусики французского фасона. Девушка увидела их в журнале, который назывался «Фру-Фру» (что означало шуршание шелка, когда он обо что-то трется), и захотела заполучить их любой ценой, хотя они стоили двенадцать лир. Но сегодня ночью она их не снимет, разве что будет особенный случай. Больше не снимет.

Она даже думала, не оставить ли на теле запах рыбы, чтобы быть неприятнее, но в конце концов искупалась в лохани, уступив просьбам матери, которая сильно терла ее мочалкой, а потом немного обрызгала лавандой. Уходя, она слышала причитания матери о том, что иметь такого могущественного покровителя – благословение неба и что, может быть, именно он однажды найдет ей подходящего мужа.

Девушка взглянула в большое окно. Рим казался безлюдным, и лишь редкие огоньки, всего несколько, позволяли понять, что город не умер. Рим невинно спал, не зная, что в самом его сердце, в центре, за святыми стенами, дьявол забавляется блудом. Она топнула ногой: мать не может или, вернее, не хочет понять, как дорого она платит за те выгоды, которыми пользуется вся их семья, начиная с доступа ко всей выловленной рыбе и кончая кредитами, которые никогда не будут возвращены.

После первых встреч, во время которых она испуганно покорялась ласкам кардинала, девушка даже забавлялась, проявляя над ним свою женскую власть; но теперь устала от этой игры. Нет, сегодня, чтобы она сняла трусики, ей будет мало того, чтобы он встал на колени и лизал ей ноги. И обещаний или угроз тоже будет недостаточно: она не так глупа, как он думал. Может быть, она это сделает, но только за драгоценное украшение, а не за колечко вроде тех, которые он уже ей подарил, за красивую вещь, где много золота и есть изумруды и рубины. Может быть, за тот крест, который он носил на шее и целовал каждый раз перед тем, как положить на подушку, лицом Христа вниз.

Девушка поправила платье на груди и поднялась по лестнице еще на один марш. Помимо всех прочих сложностей есть еще одна: на верхнем этаже спит этот симпатичный маленький человечек – папа Лев, который однажды дал ей поцеловать свою одетую в перчатку руку и даже погладил по голове. Он похож на доброго старичка-монаха из тех, которые легки как перышко, а душа у них мягкая, как только что вынутый из печи хлеб. Однако, если бы он узнал, что творят на нижнем этаже те, кого он называет своими внучатами, то не стал бы бить их по щекам, но отчитал бы как следует, и, чтобы заслужить его прощение, было бы недостаточно одних молитв.

Прижимаясь к стене и держа башмаки в руках, девушка подошла к маленькой двери и тихо постучала. Несколько секунд она ждала, потом постучала опять, уже сильнее. Ее охватила беспричинная тревога. «Дура! – выругала себя девушка. – Это самый безопасный дворец в мире». Ей достаточно громко прокричать имя своего покровителя, и сюда прибегут швейцарские гвардейцы, которые теперь знают ее и делают вид, будто дремлют, когда она проходит мимо. Она попробовала опустить ручку, и дверь открылась. Луна светила в окна и окрашивала стены комнаты в голубоватый цвет. Девушка положила башмаки на обитый красным

бархатом диван и пошла к окну, которое было слева, далеко от большого письменного стола, позади которого старинная картина, похожая на те фотографии, которые она однажды видела на рынке Кампо-де-Фьори. Продавец тогда показал их ей тайком.

На картине была запечатлена голая женщина среди мужчин, которые пытались дотронуться до нее. Называлась картина «Сусанна и старцы», и однажды девушка лукаво попросила кардинала объяснить, что там нарисовано. Он рассказал ей, что это сюжет из Библии о том, как два старика шантажировали замужнюю молодую женщину. Они пригрозили ей, что если она не отдастся им обоим, то они обвинят ее в супружеской измене, и тогда ее побьют камнями. Сусанна не уступила им, поэтому была оклеветана и приговорена к смерти. Но молодой пророк Даниил сумел ее спасти: он раскрыл обман, и вместо нее были казнены эти два гнусных старика. Она всегда думала, что те двое были хитрые и неизвестно, существовал ли на самом деле Даниил. В любом случае счастливый конец бывает только в сказках.

Правда, когда-то и она знала человека, похожего на Даниила. Хотя они лишь переглядывались и обменивались несколькими словами, когда он проходил мимо нее с четвертью бычьей туши на плече. Он был ей интересен – молчаливый и лукавый. Звали его Рокко, и она знала, что, направляясь по делам, он спрашивал, есть ли у нее жених или поклонники. Три дня назад ее мать прогнала Рокко из их рыбной лавки, и он морщился, когда уходил. Но она из-за прилавка ответила на его улыбку кивком и украдкой смотрела на него. Может быть, он неподходящий жених, может быть, нужно подождать, но ей уже исполнилось шестнадцать лет, и мысль о свадьбе с молодым мужчиной, который станет забавлять ее и иметь столь же сильно, как молодой бычок, согревала ее как утреннее солнце.

Часы пробили два, и девушка вздрогнула. У нее по спине пробежал холодок, и она обхватила себя руками. В маленькой гостиной, кажется, никого не было, но девушка знала, что не ошиблась: в записке ей велели быть здесь в два часа ночи пятого июня. Если только речь шла не о вчерашней ночи: сейчас, после полуночи, уже шестое число. Спокойно! Если так, это даже лучше: он поймет, что эта история должна каким-то образом закончиться. Еще несколько минут – и она уйдет. Может быть, на обратном пути постучит в дверь мясной лавки, где (она это знает) спит ее Даниил, и, если он ее впустит, эта ночь закончится гораздо лучше. Мать знает, что она у кардинала, а от него она никогда не возвращалась раньше семи.

Девушка глубоко вздохнула и направилась к выходу. Но, проходя мимо спинки кресла, в котором, по словам кардинала, часто сидел папа, она услышала голос, который вкрадчиво спросил:

– Куда ты идешь, Роза?

Девушка замерла на месте. Кардинал никогда так с ней не шутил, и эта шутка ей совсем не понравилась.

– Монсеньор? Где вы? – спросила она. Ее голос немного дрожал, но она не хотела показать, что испугалась.

– Ты сейчас прошла мимо меня. Иди сюда, Роза, не бойся.

Кресло повернулось, и Роза увидела сидящего в нем кардинала; он слегка улыбался.

– Я ничего не боюсь! – ответила она, широкими шагами подошла к кардиналу и остановилась перед ним.

Кардинал приподнял руку и слегка шевельнул ладонью, словно подчеркивая глупость только что сказанных Розой слов. Ему нравилась такая наглость, но при условии, если она не заходила за положенные границы.

– В этот вечер я приготовил, моя девочка, сюрприз, который, мне кажется, понравится тебе, очень понравится.

Взгляд Розы остановился на роскошном золотом кресте у него на шее, и кардинал это заметил.

– Ты что подумала, маленькая нахалка? Что я подарю тебе этот святой образ? Это подарок самого папы, а ты посмела... ох, надо бы отшлепать тебя за это!

Девушка густо покраснела и опустила голову, однако продолжала смотреть на него. Может быть, кардиналы так близки к Богу, что имеют дар читать чужие мысли. Ну и пусть прочтет, что она думает: она больше не будет довольствоваться мелкими подарками ценой в несколько лир.

– Нет, – продолжал говорить кардинал, – сюрприз будет другой. Иди сюда, Густав, покажись!

Рука отодвинула занавеску; из-за нее вышел и в полумраке сделал несколько шагов вперед мужчина, голый, как Адам на множестве картин. Он прикрывал ладонями свое мужское достоинство, ссутулив плечи. Как только взгляд Густава встретился со взглядом Розы, он опустил голову и остановился. А Роза стала отступать назад и пятилась, пока не уперлась спиной в письменный стол. Ее грудь опускалась и снова поднималась при каждом вздохе (сейчас Роза хотела, чтобы эта грудь была не такой пышной). Страх, более сильный, чем изумление, вполз внутрь Розы, как змея, и кольцами обвился вокруг ее сердца. Девушка взглянула на дверь, в которую вошла, и инстинкт подсказал ей: «Беги!»

– Держи ее! – приказал кардинал.

В следующую секунду две крепких руки обхватили Розу сзади, не позволяя ей двигаться, а ладонь закрыла рот, не давая кричать. Кардинал встал с кресла, подошел к ней, сжал пальцами ее подбородок и сказал:

– Роза, маленькая Роза! Ты не должна бояться. Разве я когда-нибудь делал тебе плохо? Нет, я делал только хорошее тебе и твоей семье. Понимаешь, я сегодня вечером устал, очень устал. Я должен был принять дипломатов из двух государств, и один хотел прямо противоположное тому, что хотел другой. Ты понимаешь, какая на мне ответственность? Нет, – он улыбнулся и отошел от девушки, – ты не можешь этого понять. Ты слишком невежественна. Однако, – он поднял руки, – ты, по крайней мере, можешь сообразить, что мужчина, который занимает такое положение, имеет право позволить себе развлечения, которые поднимают его над этой юдолью слез и доставляют ему несколько минут радости. Этот юноша, который мне служит, станет развлечением для тебя и меня. А я, как бы это сказать, не в силах служить мессу и ограничусь тем, что буду вам помогать. Поэтому я решил, что вы соединитесь телесно как два любовника или как две собаки, по вашему желанию. Почувствуй, какой он сильный; я уверен, что ты уже хочешь, чтобы он вошел в тебя. Я буду смотреть на вас благосклонно, как отец на своих детей. – Кардинал перешел на шепот: – Надеюсь, ты не откажешь мне в этом маленьком удовольствии.

Девушка попыталась укунить руку, зажимавшую ей рот, но только задохнулась еще сильнее, однако почувствовала, что державший ее мужчина дрожал, как и она – может быть, даже сильнее. Поэтому она попыталась повернуть голову и взглядом попросить его о помощи, но он продолжал стоять, как раньше, – нагнув голову и опустив веки. Роза попыталась заплакать – ей нетрудно было это сделать. Кардинал подошел к ней. Роза почувствовала, как его дыхание проникает ей в ноздри, и еще сильнее стало то удушье, которое пугало ее больше, чем все остальное.

– Если ты пообещаешь мне, что не будешь кричать, я скажу ему, чтобы он дал тебе дышать.

Роза кивнула, и мужчина отнял ладонь от ее рта.

– Прошу вас, монсеньор, позвольте мне уйти, мама ждет меня.

– Я высокопреосвященство, а не монсеньор, дочь моя. Это епископы – монсеньоры. Видишь подкладку моей одежды? Она не просто красная, как у епископов. Ее цвет ярко-красный и называется пунцовый. Смешное название для цвета, верно?

– Да, ваше высокопреосвященство, но я прошу вас...

– Какая же ты невежда! Просто невероятно! Просят не кардинала, просят Бога и получают милость от него через Деву Марию. Но ты ведь уже не дева, верно? Так что берись за дело, ты начинаешь меня злить.

Кричать было бесполезно. Роза была уверена, что тогда ей заткнут рот и возьмут ее силой. Но о том, чтобы уступить, она даже не думала. Она не доставит такого удовольствия этой свинье! Роза притворилась, что согласна, но была начеку. Когда молодой швейцарский гвардеец разжал руки и стал почти бережно снимать с ее плеча платье, девушка ударила его локтем в живот и побежала прочь.

– Густав! – взревел кардинал.

Роза услышала за спиной его шаги, но уже была у двери. Но она не смогла спастись: пришлось потратить время, чтобы открыть дверь. Сила инерции вытолкнула обоих в коридор, и они упали на пол. Он мгновенно заломил ей руку за спину и снова обездвижил, вдавив Розу щекой в пол. Она увидела, как блестящие ботинки кардинала приблизились к ней и остановились в нескольких сантиметрах от ее носа. От запаха тюленьего жира ее едва не стошнило.

– Лижи! И проси прощения! – приказал кардинал.

Вместо этого Роза плюнула ему на башмак и заплакала от гнева и страха. В следующую секунду она получила удар ногой в бок. Такой боли она еще никогда в жизни не испытывала. Боль была так сильна, что сознание отказывалось бороться с ней, и Роза стала терять сознание.

– Ваше преосвященство, пожалуйста, не надо так. Вы рискуете ее убить.

– Молчать, болван, или я отправлю тебя назад доить коров!

– Ей плохо; может быть, лучше я отнесу ее в больницу?

– Ты куда ее не понесешь. Тащи ее обратно и сделай то, что должен сделать. Я уверен, что теперь она не будет противиться.

– Но ей плохо, она может задохнуться.

– Кто может сказать, когда придет наш час! – ответил кардинал и улыбнулся. – Вспомни про Марию Горетти, которую в прошлом году убил сумасшедший, желавший ее изнасиловать. Рано или поздно мы сделаем ее святой; может быть, и Розу тоже. А теперь хватит! Подчиняйся, или я вызову охрану и скажу, что застал вас во время блуда и ты напал на меня!

Густав смотрел на кардинала. Лицо швейцарца ничего не выражало. Он понимал, что положение безвыходное. «Тупик», – подумал он. Мать говорила ему: когда медведь выбирает овцу в стаде, бесполезно сопротивляться; оставь ее и спасай остальных овец. Но когда хозяин стада приказывает своему псу кусать овец – это значит, что он сошел с ума и рано или поздно убьет даже самое верное животное. Густав взял на руки девушку, которая, казалось, уже не дышала, и зашагал к кабинету. Но, войдя, он вместо того, чтобы подчиниться, разбил окно, мысленно попросил прощения у матери и прыгнул вниз.

Вскоре кардинал, встревоженный звоном разбитого стекла, вкрадчиво подошел к окну и выглянул наружу – осторожно, лишь настолько, чтобы убедиться. Под двумя телами растекалась лужа крови. Упав с этой высоты на мостовую, они не могли выжить. А если бы выжили, он не пощадил бы их.

Глава 2

В Вене, через двадцать дней

В своем кабинете в цокольном этаже муниципального дома по адресу Берггассе, 19 Зигмунд Фрейд продолжал крутить в руках письмо, только что полученное вместе с несколькими мерзкими извещениями, напоминавшими о платежах. Увидев на конверте изображение ключей святого Петра, он улыбнулся, подумав, что это шутка его «братьев» из венского отделения «Бнай Брит». Только язвительный ум масона-еврея мог придумать такую шутку. Но все казалось правдоподобным, включая приложенный к письму чек на триста итальянских лир на расходы в пути до Рима.

Необычно было то, что пригласительное письмо было написано самим папой Львом Тринадцатым, и сам же папа его подписал. Почерк мелкий, рука немного дрожала от старости, но размер пробелов между словами указывал на твердый характер и силу воли, достойную воина. Но все-таки возможно, хотя и не вполне вероятно, что папа пишет ему. Фрейда за его идеи в одинаковой степени критиковали и хвалили, причем в большинстве случаев и критика, и похвала поступали с неожиданной стороны; его слава уже пересекла Альпы и на севере, и на юге. Фрейду захотелось позвонить в Рим и попросить подтверждение, но папа просил его, чтобы было как можно меньше огласки; поэтому он решил отправить телеграмму.

– Я выхожу из дома, Минна, – сказал он своей свояченице, которая была ему секретаршей – и не только. – Но вернусь не поздно.

Он оставил в пепельнице непотушенную сигару итальянской марки «Трабукко», чтобы, вернувшись с почты, снова почувствовать нежный кисло-сладкий запах, который она будет распространять, пока не догорит. А чтобы отпраздновать новость, он позволил себе взять дорогую сигару «Дон Педро» из кедрового увлажнителя, который занимал место между «Феноменологией Духа» Гегеля и «Критикой практического разума» Канта. Любимая вещь – между любимых книг.

Был июнь, запах лип и щебет ласточек превращали Вену в одно из самых прекрасных мест Европы, особенно для того, кто ее горячо любил. Фрейд сорвал цветок с ветки и оценил по достоинству бархатистость его лепестков, потом поднес цветок к носу, закрыл глаза и сделал несколько вдохов. Аромат, который уловил, он определил бы так: насыщенный и легкий, похож на запах кокосового масла, но с несомненной примесью запаха спермы. Воздух был им пропитан, и, возможно, поэтому мужчины и женщины выглядели более подвижными, шли скорым шагом, обменивались приветствиями и улыбками быстро, словно все бежали домой, чтобы наконец дать волю первичному, половому инстинкту.

В мире нет более глубинного импульса, чем либидо. Теперь он не только убежден в этом, но, в сущности, сделал это убеждение своей верой. Нет, мысленно поправил он себя, сделал своей философией еще до того, как сделал темой медицинского исследования. Проницательный господин Дарвин утверждал, что осязание и обоняние входят в число чувств, особенно пострадавших в ходе эволюции. Первобытному человеку они были нужней: ему они были необходимы, чтобы увеличивать его ловкость и избегать опасностей. Современная цивилизация одомашнила эти чувства. И это очень жаль, потому что ощущения, идущие от их органов, действуют в глубине и, возможно, пробуждают в человеке именно его самую животную сущность – самую скрытую и потому самую подлинную.

– Вы желаете отправить телеграмму? – спросил у него ожидавший поручения служащий, но при этом прикрыл нос платком, чтобы не чувствовать запаха сигары.

Фрейд ничего ему не ответил и продолжал поглаживать бороду: он не знал точно, каким будет текст, который он напишет.

Люди, стоявшие за ним в очереди, стали торопить его постоянным покашливанием, и он, коснувшись левой рукой своей шляпы-котелка, отправился обратно. Из почтового отделения он пошел на Дунайский канал и там, опершись на парапет, стал смотреть на баржи с товарами. По реке везли соленые анчоусы. Их резкий запах невозможно ни с чем спутать. Они очень приятны для горла; правда, не следует есть их за ужином, если не собираешься ставить на ночной столик большой стакан с водой.

Фрейд посмотрел дальше – на сады за каналом. Если действительно к нему обращается сам папа, это легко можно выяснить, предъявив чек в банке. Деньги не лгут. Если письмо подлинное, то телеграмма будет совершенно излишней и даже нарушит доверие и скрытность, о которых идет речь в письме. Раз причина письма не указана, само собой разумеется, что речь пойдет о секретном профессиональном поручении, которое он не обязан принять, не обдумав сначала свое решение.

И при любом развитии событий он проведет несколько дней в Риме. Это приводило Фрейда в восторг. Два года назад он приезжал сюда ненадолго и слишком торопился, притом время было плотно наполнено встречами, и он не смог как следует насладиться чудесами Рима.

Его сердце забилося сильнее: этот город, который на латыни называли *caput mundi* – «глава мира», всегда вызывал у него почти навязчивый невроз еще со времени учебы в лицее. В отличие от других учеников юный Зигмунд почти с благоговением относился к семитскому герою Ганнибалу и часто представлял себя на его месте, словно сам, с одной стороны, хотел владеть Римом и его тысячелетними тайнами, а с другой – желал, чтобы Рим был уничтожен. Возможно, то же самое он мог бы себе сказать и об этом приглашении: оно вызывает у него двойственное чувство – опасение и восторг одновременно.

Нельзя забывать и о том, что ему было бы полезно какое-то время побыть вдали от семейных проблем. Хотя ему удалось устроить себе кабинет на нижнем этаже и его жена, эта святая женщина, старалась держать под контролем их шестерых детей, да и он сам не мог не быть рядом с ними, но желание находиться по соседству часто мешало его научной работе. Вот еще два противоположно направленные побуждения. Фрейд улыбнулся: возможно, когда-нибудь он найдет кого-то, кто сможет порыться в глубине его собственной психики. Может быть, так он сумеет понять, что побудило его к любовной связи с собственной свояченицей Минной.

– Доктор Фрейд, для нас этот платеж – огромная честь, – сказал директор «Райффайзен-банка» и произнес свой приговор, подтвердив подлинность чека с маркой Святого престола. За этим последовал целый поток комплиментов, директор даже заявил, что кафедра в университете, которую доктор недавно получил, – лишь бледное начало, только символ международного признания, которого тот заслуживает.

Фрейд пробормотал несколько слов благодарности и зажег себе новую «Трабукко»: невозможно настаивать на своем с окурком «Дона Педро» во рту. Директор кашлянул, и Фрейд, дождавшись его ответа на свое прощание, сразу же поспешил уйти – и очень быстро.

Трудности, вставшие перед ним, казались преодолимыми. Лечение пациентов он на время своего отсутствия поручил своим дорогим коллегам Адлеру и Федерну, а Марте пообещал, что, как только вернется, поедет отдыхать в Бад-Райхенхаль с ней и детьми. Жребий брошен. Любопытство будет удовлетворено, и, если пожелает судьба, он сможет даже включить папу в число своих клиентов или хотя бы попросить у него аттестат о заслугах; в ультрака-толической Вене такая бумага всегда полезна еврею.

Утром двадцать седьмого Зигмунд Фрейд выключил будильник после первого звонка, чтобы не разбудить жену.

Ему не нравились слезливые прощания, хотя он чувствовал удовольствие от того, что его присутствие так приятно, а потому разлука с ним так горька. Не вставая с постели, он сразу же записал в тетрадь основные черты и особенности своего сна: это уже много лет было частью его повседневного распорядка.

Этой ночью ему снилось, что он беседует со своей дочерью Матильдой, и она жалуется ему, что безобразна и поэтому ей будет трудно выйти замуж. А на самом деле дочь во сне казалась ему гораздо красивей, чем была в действительности – может быть, из-за немного выступающей вперед нижней части лица. Он часто спрашивал себя, откуда взялась эта особенность: ни у кого из его родных и родных жены ее не было. Глядя на дочь и слушая ее жалобы, он вдруг осознал, что чувствует к ней вожделение, и проснулся от тревоги и стыда.

В поезде у него будет сколько угодно времени на анализ этого сна. Какое счастье, что он не должен ни с кем разделять ни сон, ни путешествие. Бесплезно обвинять во всем отварную говядину с редькой и прекрасный кайзер-шмаррен – сладкий омлет, посыпанный сахаром и начиненный черничным мармеладом. Марта утверждала, что это блюдо – прекрасное средство против табачного запаха изо рта, и кайзершмаррен стал традиционным десертом в их доме. Нет, этот сон имеет конкретное значение, хотя и представленное в искаженном виде. О кровосмешении он думал в последнюю очередь, но все же сон имел сексуальное происхождение и отражал (впрочем, как все сны) потребность удовлетворить вытесненное или подавленное желание. Какое желание – это он должен был выяснить.

Он поставил свой чемодан в маленькое ландо, которое ждало его на перекрестке с Порцеллангассе, и провел часть утра в кабинетах своих друзей Адлера и Федерна, другую часть – в банке и третью – в почтовом отделении, из которого отправил две телеграммы – одну в Рим, в гостиницу «Квиринале», другую в Ватикан, для его святейшества Льва Тринадцатого; во второй он лишь сообщал, что приедет завтра.

* * *

Поезд отправился точно в 14 часов с Западного вокзала, и в 17 часов 42 минуты следующего дня, на две минуты позже, чем было указано в расписании, Зигмунд Фрейд наконец шагнул на перрон Центрального вокзала Рима.

Идя по просторному, увенчанному куполом вестибюлю, он увидел изящный тонкий обелиск, на верхушке которого блестела под лучами солнца пятиконечная звезда. Самый благоприятный знак, который он мог получить при встрече – пятилучевая звезда, символ великого архитектора вселенной, Бога всех; как будто город папы стал огромной масонской ложей и широко раскрывает объятия брату масону, еврею и атеисту.

На востоке небо было усеяно облачками жемчужного цвета, следами недавнего ливня; в воздухе пахло свежестью и чистотой, и этому аромату не мог помешать запах теплого навоза, шедший со стороны многочисленных экипажей, которые ожидали приезжих. Фрейд сразу же проверил на деле свой итальянский: велел извозчику, чтобы тот отвез его в находившуюся по соседству гостиницу «Квиринале», а потом стал сыпать словами, излагая свои мнения о развалинах имперского Рима, о красоте Рима современного и о характере его жителей. В результате извозчик целых полчаса возил его от одного памятника или церкви к другому, прежде чем высадил перед гостиницей, выманив щедрые чаевые и одну из любимых сигар Фрейда.

В вестибюле к Зигмунду сразу подошел молодой румяный священник с черной шапочкой на голове (такую служители католической церкви носят вместе с рясой).

– Я полагаю, вы доктор Фрейд, – произнес он.

Ученый изумленно посмотрел на него, но поспешил снять перед ним шляпу, однако сигару продолжал держать в углу рта.

– Это я, – ответил он. – И я заказал здесь номер заранее.

– Не беспокойтесь: с дирекцией уже все улажено. Идемте, автомобиль у выхода. Его святейшество ждет вас. Вы будете жить в Ватикане; там вам, несомненно, будет удобней.

Они вместе сели на заднее сиденье автомобиля; на радиаторе, на заметном месте была указана марка машины – «Даррак». Над машиной был поднят навес из ткани, больше подхо-

дивший для лодки. Этот тент защищал их от солнца, пока шофер осторожно проезжал одну улочку за другой, сигналив на каждом углу. Они проехали мимо замка Святого Ангела. Затем последний поворот – и машина остановилась перед пропускным пунктом. Увидев флаг папы, итальянские военные тут же подняли шлагбаум.

– Мы почти на месте, – сказал священник. – С этого момента вы гость его святейшества.

Чуть позже колоннада Бернини приняла машину в свои крепкие объятия, и Фрейду показалось, что он попал в плен; это было неприятное ощущение.

Глава 3

Автомобиль резко повернул налево, въехал в одну из боковых улочек и остановился перед большими воротами, которые охраняли два швейцарских гвардейца. Когда они открывали ворота, Фрейд заметил черные повязки у них на рукавах.

– Эта дверь посвящена римским первоученикам, – сказал Фрейд его спутник. – Самым первым из них был святой Стефан, но в число главных среди них входит и епископ Бонифаций, апостол Германии.

– Я австриец, падре, – ответил Фрейд, глядя перед собой.

– Я еще не имею права называться «падре», – заметил его спутник. – Я еще только послушник, и вы можете называть меня просто Анджело. Фамилия моя Ронкалли, и мне выпало счастье пользоваться доверием святого отца. Что касается Бонифация, тут вы правы, и я прошу у вас прощения. Но иногда все, что находится вне этих стен, кажется мне таким туманным и запутанным.

Они проехали вдоль стен одной часовни, затем другой и обогнули заднюю стену огромной базилики Святого Петра. Фрейд крепко держался за подлокотники сиденья, но, когда пепел сигары упал ему на брюки, он быстро стряхнул этот пепел, хотя при этом одну секунду рисковал выпасть из машины. Шофер как будто нарочно сбивал его с толку – ехал зигзагами между кустами, деревьями, фонтанами и другими часовнями, и наконец оказался у боковой стены Ватиканского дворца, в районе Музеев, со стороны, противоположной той, откуда въехал. Они проехали в ворота, повернули влево и въехали в сад, а затем сделали последний поворот и увидели перед собой Ватиканский дворец.

– Осторожно, – сказал Анджело Ронкалли и вытянул правую руку на уровне груди Фрейда за мгновение до того, как шофер развернул машину и резко затормозил на мелком гравии. – Мы приехали. Наш верный Август покажет вам ваше помещение, которое, я надеюсь, вам понравится. А я пойду предупредить его святейшество.

Молодой послушник одернул на себе рясу и умчался прочь через тот вход, который выглядел как главный.

Август, должно быть, дал обет молчания: взяв у Фрейда чемодан, он только жестом попросил ученого войти в боковую дверь. И сам прошел в нее первым. За дверью начиналась узкая лестница. Поднявшись на два марша (чем дальше, тем полней была тишина), они вышли в коридор, в обеих стенах которого были двухстворчатые двери из темного дерева. Август открыл одну из них, шагнул внутрь, сделал Фрейдю знак войти, вернулся в коридор и закрыл дверь за собой. Гость остался один.

Фрейд поднял взгляд к потолку, до которого было самое меньшее пять метров. Потолок поддерживали мощные деревянные балки, выделявшиеся на фоне белой штукатурки. Затем он огляделся. Если сравнить с одноместным номером, который он заказал в «Квиринале», здесь ему точно не будет тесно. Здесь стояли двуспальная кровать, софа, два кресла, шкаф и письменный стол с креслом в углу у окна, однако комната была так велика, что казалась пустой.

Он положил чемодан на кровать и распахнул створки окна. Комнату наполнила смесь смолистых запахов, прилетевших снизу, из садов. Чтобы их заглушить, Фрейд вынул из кармана пиджака последнюю из маленьких дорогих сигар «Лилипутано» и зажег ее. Завтра он спросит у Анджело Ронкалли, где поблизости есть табачный магазин с хорошим ассортиментом.

Он уже закрывал окно, когда над древней сосной закружилась стая скворцов: солнце опускалось к горизонту, и на ветвях собралось больше насекомых, которые привлекли птиц. Скворцы то плотно сбивались, то разлетались в стороны, и стая принимала самые разные очертания, но вела себя как одно целое. Странно, но то же самое происходило в снах: в сновидении

одиночные детали, даже если они на первый взгляд далеки одна от другой, все же являются частями одной конструкции. Какая это была конструкция, иногда приходилось узнавать с нуля. Так, например, происходит с его кровосмесительным сном: даже после долгого пути в поезде он до сих пор не сумел удовлетворительно разобрать этот сон на части. Стая летала словно нарочно для того, чтобы напомнить ему об этом промахе.

Фрейд слишком устал, чтобы продолжить этот анализ, и поспешил принять горячую ванну, а перед этим высоко оценил присутствие биде в просторном туалете. Едва он успел уложить две свои сменные рубашки в ящик шкафа, как раздался стук в дверь: пришел Анджело Ронкалли. Послушник приветливо поздоровался с гостем и сказал:

– Надеюсь, что комната вам понравилась, доктор Фрейд. Его святейшество очень желает этого.

– Поблагодари его от меня. Да, это прекрасное помещение. Однако я хотел бы попросить понтифика...

– Вы сможете сделать это сами: я пришел с приятным поручением пригласить вас отужинать вместе с ним, если вы не слишком устали. Я приду за вами через полчаса.

Немного позже, идя вслед за послушником, Фрейд заметил, что тонзура у того не подходит к форме головы. Такая тонзура хорошо смотрелась бы на круглом черепе, но на квадратном выглядела как способ скрыть начинающееся облысение. Этот юноша с мясистыми губами и розовой кожей, на которой были пятна пурпурного цвета, согласно учению Чезаре Ломброзо, должен был бы обладать ярко выраженной чувственностью и иметь склонность к преступному поведению на сексуальной основе. Однако Фрейд предположил, что анализ снов Анджело укажет на простую и спокойную душу: это было видно по походке – прямой, но без высокомерия. Однако его позвали, точнее, вызвали сюда не для того, чтобы подвергнуть психоанализу Ронкалли.

Снова, и сильно, вспыхнуло любопытство: ему хотелось узнать настоящую причину вызова. Приглашение было сделано в очень общих выражениях. Вначале он думал, что ему, вероятнее всего, предлагают принять кафедру или, может быть, только читать монографический курс в Папском Григорианском университете, который папа недавно снова сделал модным. Фрейд был бы не против этого, особенно потому, что кафедра в Венском университете, полученная в прошлом году, не была оплачена. Но это предположение сталкивалось с непреодолимым препятствием: он еврей, и папа, конечно, знает об этом. Однако в Ватикане шла борьба между «немецкой» и «французской» партиями, и потому ради политического равновесия могли выбрать его, медика-австрийца, несмотря на неудобную национальность. Что ж, скоро он узнает правду.

Анджело Ронкалли поднялся по четырем большим лестничным маршам, а Фрейд шагал за ним. Послушник остановился перед большой дверью, украшенной изображениями сцен из Ветхого Завета. Затем он, сложив вместе ладони, обратился к доктору Фрейду:

– Вот мы и на месте. Извините, но у меня есть к вам просьба: поскольку его святейшество довольно слаб здоровьем, было бы неуместно курить в его присутствии.

Фрейд вздохнул и напрасно искал взглядом пепельницу, в которой мог бы потушить сигару.

– Дайте ее мне, – предложил Ронкалли.

В первый момент Фрейд колебался, но потом бережно вложил тонкую «Трабукко» в правую руку послушника, надеясь, что она не пропадет полностью. Судя по тому, как Ронкалли посмотрел на сигару, понюхал ее и улыбнулся, надежда почти обязательно должна была сбыться.

Обе створки двери одновременно открылись, и лакей в зеленой с золотом ливрее отступил в сторону, пропуская «доктора Зигмунда Фрейда»: так доложили об ученом.

Лев Тринадцатый сидел в углу, положив тонкие руки на покрытый белой скатертью стол. Увидев входящего гостя, папа подозвал его к себе движением ладони, как ребенка. Фрейд мысленно выругал себя за то, что не подумал заранее, как гостю-еврею подобает приветствовать папу перед частной беседой. Целовать перстень не следует: это может показаться лестью, а просто пожать его святейшему руку будет грубостью. Ученый слегка поклонился, сопроводив поклон улыбкой – не слишком открытой, выражающей почтительное уважение, и одновременно в разумной степени приветливой.

Оказавшись рядом с папой, он даже не думал о том, чтобы преклонить колени. Но если папа подставит ему для поцелуя свой перстень, уклониться будет трудно. Фрейд даже не знал, как уместнее поступить в этом случае – притвориться, что не заметил, или поднести папскую руку к губам, но на расстоянии. Однако, когда он подошел к столу, папа сам нашел выход из неудобного положения – сжал его ладонь обеими своими и встряхнул.

– Ох! Доктор Фрейд, вы не представляете, как я счастлив познакомиться с вами!

Это удивительно: такой мужественный голос у человека, которому больше девяноста лет, лицо исхудалое, и на тонких губах – легкая ироничная улыбка. Очевидно, голосовые связки еще не опозорила старость, которая высушила тело до юношеской худобы. С годами, утратив либидо, мужские и женские тела становятся похожими, даже если в прошлом их сексуальные признаки были ярко выражены.

Однако глаза двигались быстро; это признак быстроты ума и не угасшего боевого духа.

– Для меня это честь, – ответил Фрейд, а камердинер в зеленой ливрее в это время подталкивал к нему сзади стул, почти принуждая сесть.

– Я не знаю ваших вкусов и совершенно не хочу принуждать вас есть то, что положено есть мне – куриный бульон и два кусочка курятины. Что поделаешь: врачи должны притворяться, что заботятся о моем здоровье в то короткое время, которое мне осталось, – сказал папа, еле слышно засмеялся и положил свою правую ладонь на ладонь ученого. – Думаю, что полезные для здоровья итальянские макароны с помидорами всегда приятны. На второе будут поданы, в знак уважения к вашей родине, котлеты по-венски, поджаренные на масле из наших умбрийских оливок, а гарниром к ним станет салат из овощей с наших огородов. Ах да, это раньше они были нашими, а теперь они савойские. – Папа вздохнул. – Я полагаю, вы почувствуете разницу.

Обед прошел в молчании; одной из причин было то, что папа ел с удовольствием и торопливо, что заставило Фрейда поступать так же. Время от времени Лев Тринадцатый поднимал взгляд и указывал ножом на одно из блюд своего гостя, словно торопил его.

Когда папа встал из-за стола, Фрейд последовал его примеру, но тот поднял руку, опираясь другой на трость, и сказал:

– Я пойду посижу на диване в соседней комнате: нужно прочесть пару писем. А для вас это подходящее время, чтобы выкурить одну из ваших сигар. Но, – он наставительно поднял палец, – не заставляйте меня ждать слишком долго.

На этот раз Фрейд поклонился ему с искренним уважением. Папа, который понимает потребности курильщика, не только заслуживает всего уважения, которым пользуется, но и достоин быть пастырем такого огромного множества душ.

Когда белая одежда исчезла за дверью, камердинер открыл окно. Фрейд оперся о балюстраду и позволил своему взгляду блуждать по цепочке умело расставленных фонарей, которые освещали профиль замка Святого Ангела и порой отражались блестящими пятнами в спокойной воде протекавшего внизу Тибра.

Нежный запах сигары «Рейна Кубана» распространялся по его нёбу, сочетаясь с оставшимся на языке вкусом крепкого вина «Бароло Фалетти». О «Бароло» Лев Тринадцатый недавно пошутил, что это папа среди вин, то есть выше, чем даже король вин. Приятная борьба

между удовольствием докурить сигару и любопытством, манившим поговорить с папой, была короткой. Гильотина для разрезания сигар сделала свое дело; Фрейд положил в кармашек едва ли не половину «Рейны», затем принюхался к своему дыханию и кивнул камердинеру, давая понять, что готов встретиться с папой.

Глава 4

Лев Тринадцатый сидел на позолоченном диване стиля рококо, имевшем удобную для ведения беседы форму фасолины. В ответ на приглашение садиться Фрейд улыбнулся и сел на предназначенное для этого место дивана. Папа молчал; а сам он не должен был начинать разговор – в этом жена Марта полностью согласилась бы с ним. Он пожалел, что должен был погасить «Рейну Кубану», запах которой теперь доносился до него из кармашка и был тяжелым испытанием для его силы воли, а еще более тяжелым – для его хорошего воспитания. Может быть, взять сигару в зубы, но не зажигать? Тогда рот будет чем-то занят.

– Понравился ли вам ужин?

Голос с едва заметными баритональными нотами по-прежнему не гармонировал с внешностью папы, но это был истинно папский голос.

– Спасибо, ваше святейшество, он был великолепным.

Прошло несколько бесконечных минут, прежде чем хозяин дома снова обратился к гостю. Фрейд к этому времени уже знал все особенности пола вокруг себя.

– Что вы скажете о римском климате?

– Очаровательный! – было первое слово, которое вырвалось у Фрейда. Возможно, его ум блуждал где-то еще. – Не жаркий и не холодный, просто идеальный, – поправил он себя.

Ему захотелось выяснить по часам, сколько еще времени пройдет до последнего бесполезного вопроса о погоде, климате или обычаях и привычках римлян.

Папа долго вздыхал, а потом произнес:

– Вы очень хорошо говорите по-итальянски, но я знаю, что вы хорошо знаете также английский и французский языки.

– Очень любезно с вашей стороны, – обращение «вы» показалось Фрейду более уместным. – Я польщен тем, что вы так хорошо осведомлены о моих скромных способностях.

Наконец-то разговор направился в сторону его способностей, правда, с очень большого расстояния.

– Однако я должен покаяться вам, – он был готов откусить себе язык за то, что произнес перед папой именно это слово; Марта обязательно упрекнула бы его за ошибку, – что недолюбливаю английский язык, который...

– Вы верите в Бога, доктор Фрейд?

Симпатия, которую Зигмунд чувствовал к этому почти древнему старцу, внезапно исчезла, раздавленная тяжестью этого вопроса. Вот он, предательский удар. Сейчас его попросят отказаться от агностицизма ради исповедания веры или, что еще хуже, обратиться в католицизм в обмен на какие-нибудь почести или вознаграждения. Об этом бы напечатали во всех газетах, и компенсация, без сомнения, могла бы его заинтересовать, но он не уступит. Это типично для века интриг и типично для пап: все они с одинаковым пренебрежением относились к достоинству своих так называемых сыновей. Теперь надежда на работу в Папском университете исчезла, а раз так, стоит еще раз подтвердить превосходство разума.

– Гепард с его острыми когтями и быстротой, кажется, создан для того, чтобы убивать газелей. – Фрейд встал, чтобы увеличить силу своих слов. – Но если взглянуть внимательнее, то и газели такие быстрые и ловкие, кажется, родились для того, чтобы гепарды умирали от голода. Поэтому я спрашиваю себя: не существуют ли два божества, враждующие одно с другим, или одно божество с наклонностями садиста, которое развлекается, играя своими созданиями? Я говорю это как нелепость, без всякого намерения богохульствовать, и отвергаю оба этих предположения. Я не уверен ни в чем, поэтому мне остается искать истину, если истина одна, в глубине моей души посредством разума.

Фрейд дал понять, что не верит в божественный план для мира, но не может высказаться яснее: это было бы невежливо. По крайней мере, он надеялся, что был понят именно так. Он снова сел на диван, но был готов встать, когда его погонят отсюда. На душе у него было тяжело от мысли, что жена всю жизнь будет попрекать его тем, что он упустил эту возможность, что он не был чуть-чуть дипломатичнее, чуть-чуть больше реалистом.

Но когда он увидел глаза папы, в них была улыбка! От изумления Фрейд качнулся назад и уперся спиной в спинку кресла. Когда потом папа быстро захлопал в ладоши как ребенок, которому показали коробку с леденцами, ученый решил, что его слова были неверно поняты. Иногда такое случалось с некоторыми его пациентами, которые хотели любой ценой слышать от других только то, что им нравится.

– Ведь именно это утверждает философ Демокрит! – воскликнул папа, и в его голосе звучало счастье. – В школе это был один из моих любимых философов, особенно потому, что он говорил: у нас нет истинного знания ни о чем, потому что истина находится в глубине. И ваш исследовательский метод, психоанализ, действует в том же направлении. Ах, дорогой доктор, вы не знаете, как вы меня осчастливили, а в это время сделать счастливым человека моего возраста непросто. Жаль, что здесь не был молодой Ронкалли. Он очень подвижный, очень верующий и, главное, честный – а этот дар встречается очень редко и в этих стенах, и не только в них. Понимаете... – Папа подошел к Зигмунду и понизил голос: – Я хочу сказать вам кое-что по секрету: Ронкалли человек, который больше беседует с Иисусом, чем с Богом. Полагаю, вы догадались, что я хочу этим сказать.

Папа поднес указательный палец к губам (тот оказался перед носом) и поднял свои худые плечи, подчеркивая секретность только что сделанного признания. Потом он продолжил:

– Для меня достаточно: я получил все подтверждения, которые хотел. И, между нами говоря, получил их не потому, что верю в непогрешимость моих решений – в отличие от моего предшественника, который даже сделал ее догматом веры. На мой взгляд, у Святого Духа есть о чем подумать и без того, чтобы наполнять собой мои бредовые мысли жалкого старика. Но перейдем к делу. Я прошу вас лишь об одном – хранить в полнейшей тайне то, что я вам скажу. К тому же этого требует и клятва Гиппократова, разве не так?

Затем папа начал рассказывать ученому о событии, которое произошло несколько недель назад в этом самом дворце. Швейцарский гвардеец убил девушку; они оба упали с третьего этажа и были найдены мертвыми. На этом месте папа замолчал, ожидая комментария от своего гостя. Но тот, несмотря на все свои усилия, не мог обнаружить в этом случае ничего общего со своей профессией.

Фрейд все же посчитал нужным изобразить на лице скорбь. Поскольку папа продолжал молчать, ученый попытался защититься: этот прием обычно заставлял собеседника высказаться яснее.

– Ваше святейшество, я хорошо понимаю, как вы смущены и расстроены; но не знаю, подхожу ли я, с моими знаниями, чтобы устранить душевную травму этого типа.

– Ох, ох! – воскликнул Лев Тринадцатый; видимо, ответ его действительно позабавил. – Не поймите меня неправильно. Я опечален тем, что случилось, но я пережил много несчастий, переживу и это. Вы нужны не мне.

– Прошу прощения, но я не понимаю, что вы имеете в виду.

– Я попробую это объяснить, а вы найдите терпение внимательно выслушать меня. Я хочу или, если вы предпочитаете, я хотел бы, чтобы вы обследовали своим аналитическим методом нескольких людей – нескольких прелатов, и это высшие прелаты. И не потому, что я считаю, будто у них психологическая травма, а потому, что хочу вытряхнуть камешек из своего башмака, то есть убедиться, что никто из них не замешан в этой истории.

Фрейд поднес к лицу обе ладони, желая почесать бороду, но внезапно убрал их: ему показалось, что он видит перед собой свою жену, которая упрекает его за этот жест, конечно, не очень уместный при римском патриархе, зато полезный, когда надо снять напряжение.

– Да, теперь я думаю, что понял, – солгал он, – но полагаю, что этим случаем должна заниматься полиция.

– Какая? – Глаза папы сузились. – Полиция Королевства Италия, которое заняло наши территории? Для них там нет ничего приятнее, чем устроить скандал, и один Бог знает, как мало он нам нужен сейчас, когда все европейские государства хватают нас за пиджак – то затем, чтобы нас поддержать, то затем, чтобы подставить нам подножку. Или наша жандармерия; она действительно находится у меня на службе, но вы же знаете, что в казарме сержанта слушаются больше, чем полковника. А я окружен офицерами и старшинами, и большинство из них думают о собственных интересах. – Лев вздохнул и, кажется, успокоился. – К тому же, если будет обнаружен человек, в какой-либо степени виновный в этом, какой смысл осуждать его? Бог сам сделает это – или простит. Изучит его душу лучше, чем может это сделать любой исповедник, и вынесет свой приговор. Нет, дорогой доктор, вы нужны мне именно как исследователь, чтобы обнаружить истину в глубине, как говорил наш древний мудрый Демокрит. Скоро будет созван новый конклав: я знаю, что вот-вот умру, хотя и чувствую себя хорошо. Не смотрите на меня так, доктор: я полностью осознаю это, и я не сошел с ума. Я уже прожил годы старости и получаю от своего тела сигналы, которых никто не знает, кроме меня. И я готов к вечному покою. Но этому покою мешало бы знание о том, что я ничего не сделал, чтобы на мое место не был избран – я не говорю «убийца», храни нас Бог от этого, но человек, который может прятать под тиарой большие рога – я понятно сказал?

Фрейд кивнул. У него пересохло в горле, и, если бы он попытался произнести хоть одно слово, оттуда вырвался бы неясный и некрасивый звук. К тому же есть время говорить и время слушать; так написано в Пятикнижии, которое в детстве он знал почти наизусть. И, в конце концов, слушать – одна из его лучших привилегий и основа его метода.

– В нашей истории было много черных душ, которые были призваны управлять Церковью и превратили ее в настоящий бордель. Это утверждал и Савонарола – святой человек, что бы о нем ни говорили. А что написал Мартин Лютер, побывав в Риме в 1510 году?

Характерная особенность стариков – задавать вопрос, чтобы самому дать ответ, даже если собеседник его знает. Фрейд знал ответ, но решил доставить удовольствие папе.

– Он написал, что, когда он здесь, в этом самом зале, заговорил о душе, люди начали смеяться! К счастью, те времена прошли, и мы не хотим, чтобы они вернулись. Разве не так, доктор?

Фрейд попытался ответить, но за время, которое прошло между мыслью и словами, папа успел вставить в беседу еще один вопрос:

– Вы замечали, что пожилые люди, как правило, часто повторяют слова «в мое время»? И указывают на то, что это время было лучше, что в нем было больше разума и честности? Так вот, – с удовольствием закончил он, – я, наоборот, считаю, что наше время – самое лучшее за двадцать веков нашей истории. И хотя я иногда по государственным причинам обязан сражаться с савойскими захватчиками, я считаю, что те, кто лишил нас светской власти, принесли только пользу нашим душам. Однако, на чем я остановился?

– Вы сказали мне, что не доверяете полиции.

– Тут дело не в доверии, а в пользе. Мне интересно не наказать предполагаемого преступника, а помешать ему взойти на престол, с которым я соединен уже целых двадцать пять лет. Это очень большой срок, и никто не стал бы держать пари на то, что он будет таким долгим. Вы знаете, что обо мне шутят: кардиналы думали, что выбрали святого отца, а выбрали Вечного?!

Лев Тринадцатый начал смеяться и кашлять одновременно; было похоже, что он не может перестать, и Фрейд даже подумал, не припадок ли это. Действительно, это было похоже на припадок: худое тело старика сотрясало от приступов кашля, как ковер от ударов выбивалки.

Открылась дверь, и вошел Анджело Ронкалли с бокалом, наполненным водой, и бутылкой, в которой, как разглядел Фрейд, было знаменитое «Марианн» – вино с кокаином, которое он пил и сам, правда, в умеренном количестве. После первых восторгов он обратил внимание на опасность попасть в зависимость от этого напитка, который так хвалили за выдающиеся полезные свойства. Однако он был поражен тем, что на этикетке было изображено, словно обычная реклама, улыбающееся лицо самого папы.

Понтифик выпил сначала воду, потом велел наполнить бокал до половины вином, а когда это было сделано, сказал:

– Спасибо, Анджело; ты можешь уйти.

Юный Ронкалли вышел так же бесшумно и быстро, как вошел.

– Итак, – продолжил разговор Лев Тринадцатый, – вы согласны? Мне бы это доставило огромное удовольствие, и, кроме благодарности папы, вам бы выплачивали вознаграждение в размере двух тысяч лир в неделю. Жить вы стали бы здесь и имели бы экономку, которая заботилась бы обо всем, кроме, разумеется, услуг, порученных Ронкалли – единственному, кому я доверяю.

Как анализ снов иногда приводил к неожиданным открытиям, которых ни пациент, ни сам Фрейд не могли бы вообразить, так и просьба обследовать с помощью своего метода нескольких высокопоставленных прелатов разрушила все предположения Фрейда. Внезапно он представил себе, как жена Марта толкает его локтем, подсказывая: прими поручение, денег, полученных за него, семье хватит надолго. Но Фрейд, хотя предложение было лестным – и не только в смысле денег, запутался в целом клубке сомнений и недоумений. В первую очередь, он спросил себя: могут ли ассоциации идей, гипноз или анализ сновидений чем-то помочь при расследовании преступления.

Одновременно он удивлялся тому, что никогда раньше не думал о таком их применении. Ему теперь было очевидно или, по меньшей мере, ясно, что, копая в побуждениях, желаниях и ограничениях, которые человеческий ум создает в глубине своего сознания, можно выпустить наружу преступные или вредоносные склонности – или то, что противоположно им. Значит, работу психотерапевта можно считать подобной работе чиновника, который ведет расследование.

Ему случалось проверять, способен ли пациент на преступления, но не выяснять, совершил ли он уже преступление. А изучая причины более или менее патологических поступков, навязчивых идей, страхов или паранойи, исследователь, несомненно, соберет гораздо больше информации, чем при обычном допросе. Возможно, она не позволит установить чью-то невиновность или виновность, но приведет к обнаружению ряда согласованных между собой признаков, которые направят расследование в ту или иную сторону.

Правда, может пострадать его престиж профессионала, если станет известно, что уважаемый профессор Зигмунд Фрейд пренебрег пациентами и научной работой, чтобы заняться расследованием как обычный полицейский инспектор. Но от него требуют полной секретности, значит, ни одной из двух сторон не будет позволено распространять информацию о его участии.

И, вероятно, в еженедельную выплату входит и цена его молчания. Две тысячи лир – это восемь с лишним тысяч крон, его доход больше чем за три месяца; значит, будет логично послать к черту щепетильность. Однако в головоломке не хватало нескольких фрагментов, и Фрейд надеялся, что папа предоставит их ему.

– Ваше святейшество, вы позволите задать вам несколько вопросов? После этого я отброшу сомнения.

Легкий оттенок высокомерия в тоне его голоса, кажется, не заставил задуматься папу; наоборот, тот сложил ладони вместе и наклонился к нему.

– Почему именно я? – спросил Фрейд, встал и начал ходить взад-перед перед папой, словно маятник. – Вы знаете, что я еврей и что, к тому же, мои теории признаны не во всех европейских академических кругах.

– Дорогой доктор, кто вам сказал, что мнение большинства – самое разумное? Когда Иисус начал проповедовать, его осмеивали и считали сумасшедшим. Разумеется, я не сравниваю вас с Ним. – У папы вырвался смешок. – Я знаю достаточно, и знаю, что ваш метод, несмотря на свою новизну, основан на древнем опыте. Может быть, сам Бог говорит через видения и сны, которые должны быть истолкованы? Разве мы должны считать, что все святые обманывали, когда заявляли, что получали послания от Господа именно во время сна?

Папа замолчал – возможно, чтобы отдышаться; а Фрейд удержался от ответа, что, при всей искренности различных святых Катерин, их беседы с Господом в значительной мере были вызваны приступами истерии из-за нехватки еды, сна и секса.

– А что вы еврей и к тому же агностик, – снова заговорил понтифик, – это прекрасно. Раз вы не католик, на вас не сможет повлиять симпатия или антипатия к кому-либо из трех кардиналов, которых вы будете обследовать.

– Трех... кардиналов?

– Ах да, я еще не говорил вам об этом. Они входят в число самых способных пройти в папы на ближайшем конклаве. – Лев вздохнул. – И они были во дворце, когда произошел тот случай. Первый – Мариано Рамполла дель Тиндаро, Государственный секретарь. Второй – Луиджи Орелья ди Санто-Стефано, декан коллегии кардиналов и камерлинг; фактически это он, как только я умру, станет выполнять мои обязанности, пока не появится новый папа. И, наконец, мой комнатный адъютант, молодой Хоакин де Молина-и-Ортега. Он лишь архиепископ, но я уже присвоил ему секретным решением сан кардинала. И он знает о своем новом сане: это говорю вам я. Де Молина руководит моими тайными подметалами.

Слова «подметать» и «трахать» (в сексуальном смысле) в итальянском языке так похожи, что Фрейд, услышав конец фразы, сощурил глаза и попытался подавить начинавшийся приступ кашля. Но говорить и глотать одновременно неудобно.

– Как... вы сказали, ваше святейшество? – произнес он наконец.

– Ох, Святые Небеса! Верно сказано, что лукавы глаза смотрящего и уши слушающего! Я имею в виду уборщиков, которые подметают в моих комнатах. Вы узнаете их по фиолетовым ливреям с черной каймой.

Договорив эту фразу, папа опустил взгляд, и Фрейд принялся извиняться, но увидел, как тонкие губы Льва Тринадцатого изогнулись в улыбке. «Ах, хитрый бес на папском престоле! Нарочно сказал двусмысленность, чтобы подразнить меня!» – подумал Зигмунд.

– У меня есть еще одно, последнее возражение. – Фрейд сел, и лицо папы стало серьезным. – Мой анализ предполагает сотрудничество пациента, и я задаю себе вопрос: отдадут ли их высокопреосвященства себя в мое распоряжение и предупредили их уже или нет, что это нужно? Кроме того, мне бы хотелось знать, известно ли им о подлинной причине обследования. Если они и согласны, то, вероятно, станут задавать мне много вопросов.

– Евангелист Матфей сказал: да будет слово ваше да, да; нет, нет, а что сверх этого, то от лукавого, – начал свой ответ папа. – Поэтому я отвечаю «да» на первый вопрос и «нет» на второй. Но к первому ответу хочу добавить, что, по милости Бога, повинование еще остается добродетелью. Что касается второго, я верю, что вы сумеете убедить их, что обследование будет полезно и правильно, например, для их умственного здоровья в этот переходный период – я имею в виду свой близкий конец, а не только политическую ситуацию. Вашу способность убеждать тоже можно было бы включить в число добродетелей.

Папа и Фрейд обменялись взглядами и улыбнулись друг другу. Ученый кивнул, и решение было принято. Кроме вознаграждения, он может получить во время этого расследования опыт, который будет драгоценным, хотя и останется заперт в его сознании.

Фрейд совершенно неожиданно для себя поцеловал папский перстень, и во время поцелуя ученому казалось, что он – английский следователь, принимающий поручение архиепископа Кентерберийского. Совсем как Шерлок Холмс, чья дедуктивная логика, казалось, не имела соперников. Фрейду было бы очень приятно быть похожим на него – разумеется, не в ненависти к женщинам: она была порождена скрытым гомосексуализмом, а его следов Фрейд, к своему величайшему облегчению, пока в себе не обнаружил.

Глава 5

На следующее утро Фрейд, едва проснувшись, попытался схватить умом нити своего последнего за ночь сна, пока тот не исчез при появлении первых мыслей. Достаточно поймать одну нить: остальные потянутся за ней, они связаны между собой, и их соединяет в цепочку логика, а не память. Это было как ловить сардины руками: он словно видел, как этот косяк плавает в воде, кружится вихрем вокруг его ума; он должен быть внимательным, не напрягаться, но при этом сосредоточиться, чтобы неверная мысль не спугнула их.

Ему показалось, что он поймал одну рыбу, когда раздался стук в дверь. Как будто к косяку сардин подплыла акула и разогнала их. Фрейд открыл глаза. Белая льняная простыня образовала две покрытых снегом парных горы над большими пальцами ног, и Фрейд гневно пошевелил ступнями, чтобы вызвать лавину. Он услышал новый стук, и воспоминание о снах исчезло. Посмотрел на часы – они показывали восемь.

– Кто там?! – недовольно крикнул он.

– Я ваша горничная, доктор Фрейд; часы пробили восемь.

Он никому не приказывал себя разбудить, но если это самый худший из ватиканских обычаев, он к этому привыкнет, пусть даже с трудом.

– Входите, дверь открыта! – сказал он уже вежливее.

В полуоткрытую дверь он увидел голубой чепец, который сместился направо, потом налево и затем исчез. Через несколько мгновений в комнату вплыл поднос, который несла женщина в чепце. Фрейд мог видеть только ее одежду – платье, тоже голубое, и поверх него белый фартук. Общее впечатление было такое, словно он находился под опекой Красного Креста. Когда женщина повернулась, он, кроме пряди черных волос, выбившейся из-под чепца, заметил отсутствие эмблемы на нагруднике, который был украшен только золотым распятием.

– Добрый день, доктор Фрейд. Хорошо ли вы спали?

– Да, дорогая синьора, до тех пор, пока вы меня не разбудили.

Она поставила поднос на письменный стол, и чуть позже в его ноздри проник запах кофе – такой резкий, что желудок возмутился. Чтобы его успокоить, Фрейд взял с прикроватного столика и зажег половину «Трабукко» и внезапно сделал большую затяжку еще до того, как спичка погасла.

– Ох этот дым! – сказала женщина, по-прежнему стоявшая к нему спиной. – Если бы Бог хотел, чтобы люди курили, он бы сделал человека из огня. И я не синьора, а Мария.

– Прошу прощения, сестра Мария, – ответил Фрейд сквозь сжатые зубы, – однако курение – единственный порок, который я себе позволяю, и отказаться от него мне было бы слишком тяжело.

Женщина повернулась к нему, уперлась руками в бока и от души рассмеялась.

– Дорогой доктор, вы можете курить сколько хотите. Извините меня за мою искренность: иногда я не умею держать язык за зубами. Но вы снова ошиблись. Я не сестра, а даже мать, но в прямом смысле этого слова: я не монахиня, и у меня есть дочь. Я католичка и покинута мужем, да сохранит его Бог, где бы он ни был. И я ваша горничная до тех пор, пока имею поручение ею быть.

Легкие удары в дверь избавили Фрейда от необходимости ответить Марии, и в комнату вошел, не дожидаясь приглашения, Анджело Ронкалли. Фрейд понял, что должен будет на все время своего пребывания в Риме забыть об австрийской сдержанности. Здесь все входят и выходят свободно. Он должен больше помнить не о том, что он находится внутри стен Ватикана, а о том, что находится в Риме. Пока Анджело (который, как оказалось, был дьяконом) передавал ему пожелание доброго дня от святого отца, Фрейд краем глаза увидел, что Мария

вышла, и решил, что теперь вполне может встать с постели. Уже после первых фраз, которыми обменялся с Ронкалли, он понял, что тот все знает о его задании.

– Первая встреча назначена на пятнадцать часов; это будет беседа с достопочтеннейшим архиепископом, монсеньором Хоакином де Молина-и-Ортега. У меня с собой доклад о нем, который я оставляю на письменном столе. В соседней комнате я приготовил вам кабинет, где вы примете их высокопреосвященств. Если захотите сделать какие-либо изменения, звоните в этот колокольчик, – Ронкалли указал на тяжелую бархатную тесьму, свисавшую с потолка, – он напрямую соединен с моей комнатой. Если сегодня утром вам будет угодно куда-нибудь выехать, к вашим услугам Август с автомобилем и пропуском, который, к сожалению, необходимо, чтобы свободно выезжать отсюда в Королевство Италия и въезжать сюда из него. Есть ли у вас какие-нибудь просьбы? Прошу вас, выскажите их без всякого стеснения.

У Фрейда было не меньше ста просьб, но он попросил только разрешения отправить доктору Адлеру телеграмму о том, что он пробудет в Риме дольше, чем планировал. Ронкалли записал под его диктовку текст телеграммы, повернулся на каблуках и ушел. Фрейд наконец остался один. В телеграмме он попросил своего коллегу, чтобы тот срочно прислал ему его полиграф, который на этом этапе работы мог оказаться очень полезен. Это простое маленькое устройство улавливало разницу в ритме сердцебиения и могло записать удары сердца на листе бумаги. Во многих случаях оно оказывалось очень эффективным для выявления лжи и страхов.

Фрейд разработал особый подход: сначала он давал пациенту успокоиться с помощью ряда безобидных вопросов, а потом начинал спрашивать о его привычках и воспоминаниях и, наконец, бросал ему простые слова, на которые тот должен был отвечать, не думая, первое, что приходило на ум. Истина поднималась из глубин подсознания, и, если рациональное сознание пыталось подавить эту освобождающую силу, два порыва вступали в конфликт, и сердцебиение ускорялось. Это просто.

В первый раз, когда Фрейд увидел, как это устройство работает, он пожалел, что не изобрел его сам. Его единственной собственной заслугой было легкое изменение метода применения, который разработали Моссо и Ломброзо. Эти итальянцы всегда лезут ему под ноги! Но в науке они оказались гениальными предшественниками. Полиграф не стал решающим инструментом метода психоанализа, но часто поставлял для него интересные улики. А эрудит Шерлок Холмс говорил: одна улика – это улика, две улики – подозрение, три улики – доказательство.

Когда стало возможно, то есть в течение следующего часа, он позвонил своей жене Марте и сказал, что живет как в осаде и что его решение задержаться в Риме в немалой степени зависело от экономических причин. Единственным словом любви, которое он сумел передать через ватиканского почтового служащего, было общее «целую» для нее и их шести детей. Маловато: он ведь знал, как важно для них всех его присутствие рядом. По крайней мере, надеялся, что важно.

Рано или поздно он должен был столкнуться, по крайней мере в своем сознании, именно с этой своей неспособностью передать Марте любовь или нехваткой у себя воли для этого. По-своему он любил Марту, и в этом не было никакого сомнения: она была матерью его детей, и Зигмунд был уверен, что он действительно их отец – уверен не только потому, что дети внешне похожи на него. Ему еще не была ясна причина, по которой он с некоторых пор держался от нее на расстоянии. И (это он часто повторял), к сожалению, никакой доктор Фрейд не мог помочь ему избавиться от этого психологического блока. Он даже не мог использовать как примеры похожие случаи, потому что каждый человек индивидуален и нет массового психоанализа.

В тех редких случаях (их становилось все меньше), когда занимался любовью с Мартой, он после этого, уходя, чувствовал не то стыд, не то вину перед ней. Вместо того чтобы издать боевой клич мужчины, овладевшего женщиной, он убегал как самец-паук вида «черная вдова», который боится, что самка победит его и съест. Вероятнее всего, он каким-то образом до сих

пор страдает от Эдипова комплекса, который на этот раз спроецирован на Маргу и заставляет его идентифицировать жену с собственной матерью.

А может быть, все проще: удовлетворительные сексуальные отношения в супружеской жизни могут продолжаться лишь несколько лет, из которых надо к тому же вычесть перемены, необходимые из-за слабого здоровья жены. В конечном счете брак, возможно, всего лишь общественный договор, назначение которого – обуздывать сексуальный инстинкт и не допускать, в отличие от животных, конфликтов между доминирующими самцами. Ему надо бы хорошо обдумать эту мысль, а потом перенести ее на свою собственную жизнь: самоанализ – одна из обязанностей психотерапевта. Он сделает это, когда вернется в строгую Вену, а теперь он в солнечном Риме.

Войдя в соседнюю комнату, он поразился тому, с какой точностью в ней было создано подобие его кабинета. На полу, по всей ее длине, лежал мягкий персидский ковер. Вплотную к одной из стен стояла прочная кушетка, на ней лежали в мнимом беспорядке несколько подушек. Кресло, предназначенное ему самому, тоже стояло вплотную к стене, чтобы тот, кто лежит на кушетке, не мог видеть его, а только слышал его голос. Все как в его процедурном кабинете. Это невероятно!

Правда, говорят, что Ватикан использует целый ряд тайных агентов, которых невозможно заподозрить, и что его полиция – лучшая в мире, эффективнее даже российской «охранки». Однако Фрейду показалось по меньшей мере странным, что эти агенты заходили именно к нему в Вене и заинтересовались как раз кабинетом настолько, что смогли воспроизвести обстановку во всех подробностях перед приходом хозяина. Но в глубине души он был этим горд.

В машине, которую вел Август, Фрейд обращался к шоферу лишь для того, чтобы дать ему указание, потому что не хотел вынуждать его нарушить предполагаемый обет молчания. Свою первую в Риме остановку Зигмунд сделал в табачной лавке рядом с изумительным фонтаном Тритона, совершенно не похожим на свою грубую копию в Нюрнберге. Он остановился на минуту и залюбовался этой красотой. До семнадцатого века вся Европа копировала Италию, а потом оружие оборвало цветение искусства.

В этом магазине, пропитанном запахами табака, он поворачивался во все стороны, как ребенок среди игрушек. В свои сорок семь лет он впервые не чувствовал себя виноватым оттого, что потратил больше восьмидесяти лир на сигары, которыми здесь запасся, и еще почти десять лир на шкатулку из ливанского кедра для их хранения. В автомобиле он подавил в себе желание зажечь ароматную сигару «Монтеррей» и положил в кармашек пиджака крепкую «Санта Клару» – сигару из листьев мексиканского табака, предназначенную для курения после еды.

День был жаркий, поэтому на улице Скрофа он велел остановить автомобиль около маленького фонтана и умылся. Фонтан своей формой напомнил Фрейду римский саркофаг; возможно, в прошлом он и был саркофагом.

Он не осмелился пригласить на обед Августа, который за все время поездки ни разу не открыл рот, а вместо этого назначил ему встречу через час. Этого времени должно было хватить на то, чтобы немного пройтись по этой старинной римской улице и остановиться под навесом трагтории. Послушавшись хозяина, Фрейд заказал короткие макароны ригатони с пряностями, колбасой и овечьим сыром и еще порцию рагу из бычьего хвоста в соусе по-римски, в которое добавил хорошую дозу черного перца. Все это он запил легким прохладным вином – возможно, слишком нежным для его нёба курильщика.

В два тридцать его кабинет уже пропитался дымом нежной сигары «Фонсека»: ее запах, смутно напоминавший запах меда, Фрейд посчитал наименее агрессивным для первого собеседования.

Как только началось переваривание обеда, в уме Зигмунда возник призрак неудачи, и ученый покрылся потом, хотя не двигался с места. Он изобрел психоанализ точно не для рас-

следования преступлений, и секретность порученной работы спасет его от критики и насмешек; но в случае неудачи пострадает его гордость и, возможно, ослабнет его уважение к себе. Ему даже было бы неприятно разочаровать этого симпатичного худенького человека – папу, который, кажется, похож на горностаю. У этого зверька шерсть мягкая и меняет цвет в зависимости от времени года, взгляд подвижный и быстрый; горностаю прекрасно приспосабливается к окружающему миру, но своим укусом может мгновенно убить животное, которое в три раза крупнее, чем он.

Фрейд даже был убежден, что кардиналы, хотя и обязаны подчиниться святому отцу, все же вряд ли позволят ему свободно бродить по извилинам своей психики, которая проявляется в снах. Они, по меньшей мере, будут осторожны, если не станут лгать. А поскольку они привыкли к типичной для священников лжи, полиграф, возможно, не только окажется бесполезным, но и навредит делу.

Стрелки висевших на стене часов с маятником показывали без двух минут три, и Фрейд в последний раз окинул кабинет взглядом. Его озарила внезапная догадка: пусть кардинал сначала сможет сесть, а потом, если будет нужно, ляжет. Фрейд переставил два кресла так, что они оказались перед кушеткой. Такой подход, более деликатный и дипломатичный, может дать лучшие результаты. Зигмунд не волновался так сильно с тех пор, как сдавал дипломный экзамен.

Дверь открылась без стука, и Анджело Ронкалли, склонив голову, произнес имя Хоакина де Молины-и-Ортеги с обычными титулами впереди. Фрейд уже прочитал в докладе, что тот молод, но был поражен его внешностью: де Молина выглядел почти мальчиком, если не считать начинающейся лысины. Ни одной морщины на лице, и под глазами нет тех темных кругов, которые он иногда замечал у своих студентов. Эти круги были следами ночной учебы, а не сексуальных причуд – в крайнем случае, мастурбации.

– Ваше высокопреосвященство, для меня удовольствие познакомиться с вами, – сказал он, протягивая де Молине руку.

Он тут же понял, что назвал своего посетителя титулом, на который тот не имел права. И понадеялся, что де Молина-и-Ортега не знает, что ему известно о тайном папском указе. Прелат сдвинул назад пелерину, крепко пожал Фрейду руку и задержал его ладонь в своей чуть дольше, чем следовало.

– Надеюсь, что и я смогу сказать то же самое в конце этого сеанса, – произнес де Молина, оглядываясь, – хотя это не повлияет на мое повиновение святому отцу.

– На это надеюсь и я, – ответил Фрейд.

Он приготовился предложить посетителю сесть в кресло, но увидел, что тот закрыл глаза и зашевелил губами, беззвучно произнося молитву. Фрейд дал ему закончить.

– Я всегда молюсь перед любым новым делом, – сказал де Молина-и-Ортега. – Например, перед тем, как пробую фрукт из нового урожая – первый абрикос или первую вишню; они появляются в месяце Мадонны, и я вполголоса произношу молитву в ее честь. Теперь я готов. Как для вас лучше – чтобы я сел в кресло или лег на кушетку?

«Сражения начались, – подумал Фрейд. – Мне нужно было помнить, что команду здесь я, и не допускать классической ошибки – не позволять, чтобы пациент ставил мне свои условия. Будет совсем не просто вызвать у него позитивный перенос на меня, чтобы он почувствовал полнейшее ко мне доверие. Это не обычный клиент, который пришел, чтобы я помог ему справиться с его невротами, а только человек, который осознает, что обязан повиноваться. Кроме того, он – животное, которое находится на своей территории, а я конкурент или даже охотник, от которого надо держаться подальше».

– Располагайтесь там, где вам удобнее, – ответил он.

Де Молина-и-Ортега лег на кушетку и сложил руки на груди; было похоже, что он знал, как происходят сеансы психоанализа. Расслабленность этой позы, кажется, даже указывала

на то, что он уже подвергался этой процедуре. Судя по тому, что Фрейд прочитал в досье, кардинал, несмотря на свою молодость, объехал полмира и вполне мог встретиться с каким-то его подражателем. Фрейду осталось только сесть в кресло возле стены. Отсюда он видел только лежащее тело, на котором выделялись блестящие черные ботинки с золотыми пряжками, и красные носки. Он кашлянул, прочищая горло, и положил горящую сигару в пепельницу на ножке, кем-то заботливо поставленную здесь утром.

Глава 6

– Прежде всего, благодарю вас за то, что пришли, и хочу заверить, что все сказанное и записанное во время этих сеансов, является профессиональной тайной.

Вторая фраза была частью обрядовой формулы. Помимо положенного уведомления о секретности, она успокаивала пациента и настраивала его душу на более мирный лад. Однако, закончив ее произносить, ученый сразу же понял, что не сможет сдержать обязательство: для папы тайны не будет. И, осознавая это, увидел, что грудь де Молины-и-Ортеги слегка вздрагивала, словно тот смеялся. Однако в этом ученый не мог быть уверен: со своего наблюдательного пункта он не видел лицо.

– Доктор Фрейд, – раздался спокойный голос де Молины; он звучал как «Аве Мария» Шуберта. – Я боюсь лишь Божьего суда. И думаю об этом потому, что Бог – моя совесть, место, где постоянно спорят Добро и Зло. Я не пассивно доверяю Его воле, а беседую с Ним смиренно, как ученик, который спрашивает и отвечает, когда спрашивают его. Но я полагаю, что вы хотите узнать у меня совсем другое. Вас интересуют сны, верно?

Фрейд позволил ему продолжать, не ответив на вопрос ни утвердительно, ни отрицательно. Важно было, чтобы де Молина говорил.

– Несколько недель назад, – начал де Молина, сосредоточив взгляд в одной точке на потолке, – я видел сон. Я будто бы находился в незнакомой стране, возле моря, и был мой день рождения. Мужчина и женщина, с которыми я был знаком, но не имел с ними доверительных отношений, с трудом отвели или отнесли меня на небольшое расстояние – может быть, отнесли на руках, этого я не помню – и при этом просили меня держать глаза закрытыми. Открыв глаза, я сразу же поднял взгляд к ночному небу и увидел скопления разноцветных звезд, которые кружились, словно от ветра. Я как зачарованный смотрел на это грозное, но не пугающее зрелище. И был благодарен тем, кто привел меня сюда и позволил насладиться таким зрелищем. Потом я заметил маленькую яркую звезду, которая то появлялась из красного облака, то исчезала в нем, как терпящий бедствие корабль в волнах, и мне захотелось ее защитить.

Авторучка Фрейда, начертив последнюю запятую, замерла на месте, и ученый стал ждать возможности записать конец.

– После этого я проснулся, – закончил де Молина. – Надеюсь, доктор, что я был вам полезен.

По духу сеансов Фрейда должно было произойти в точности противоположное. Это он должен помогать тем, кого выслушивает. Чтобы подавить вздох, ученый стряхнул накопившийся пепел с сигары «Трабукко», еще горевшей в пепельнице, и сделал глубокую затяжку, чтобы набраться сил. Потом подчеркнул несколько образов, в которых посчитал нужным разобраться глубже – пару, которая вела или несла де Молину, благодарность, яркую звезду и желание защитить. Практически это был весь сон.

– Монсеньор де Молина...

– Можете называть меня Хоакин. Думаю, что при наших с вами взаимоотношениях я могу облегчить наше общение.

Вот первый признак переноса – естественная предрасположенность пациента к аналитику. Но она возникла слишком быстро, за ней может скрываться более грубая склонность, близкая к лживости. То, что де Молина начал рассказывать сон раньше, чем его об этом попросили, может указывать на *captatio benevolentiae* – лицемерное старание приобрести симпатию собеседника. Если только де Молина незнаком уже с его методом; в этом случае он, возможно, хотел ему помочь пройти всегда деликатный этап сближения, преодолев расстояние между ними своим великодушием, словно прыжком.

Фрейд решил не исследовать побуждения, заставившие де Молину проявить такое доверие. Но его поведение само по себе было необычным, и Фрейд отметил его в тетради значком в углу страницы. Это могло быть проявление более или менее ярко выраженного гомосексуализма, очень распространенного среди знакомых ему священников. Или это была ловушка, цель которой – изучить его собственные реакции.

– С удовольствием, Хоакин, – ответил он.

Он специально не ответил на его вежливость тем же – не предложил называть себя по имени. То ли он не хотел, чтобы в будущем их отношения стали слишком фамильярными, то ли решил, что за поступком де Молины могла скрываться снисходительность высшего по положению к низшим, хотя тот был намного моложе его. Такая снисходительность, близкая к высокомерию, естественна для людей, привыкших к власти, – например, для некоторых аристократов и промышленников. И с ней часто сочетается злоупотребление сексом, от чего страдают служанки или работницы.

– Вы не помните, Хоакин, в течение дня, который предшествовал сну, у вас не было какой-нибудь особенной встречи с кем-либо? Или не привлекло ли ваше внимание что-то необычное?

– Что вы имеете в виду под словом «особенная», доктор Фрейд?

– Ничего исключительного, – ответил ученый. – Возможно, просто что-то, выходящее за рамки повседневной рутины.

Де Молина сделал вид, что задумался. Наконец он качнул головой и ответил:

– Такого, насколько я помню, не было; но я подумаю об этом. Желаете ли вы, чтобы я рассказал вам еще один сон?

В некоторых случаях, с некоторыми своими пациентами, Фрейд был похож на Моисея, который раздвигал воды Красного моря и доставал с морского дна самые тайные и имевшие самые прочные корни побуждения сознания. Но сейчас он чувствовал, что должен вооружиться прославленным богословами терпением библейского Иова, а к Иову он не чувствовал ни уважения, ни любви. Он был похож на того крестьянина, который, пытаясь выкопать картофелину мотыгой, каждый раз видел, как его усердный батрак с удовольствием показывает ему эту самую картофелину, которую вынул из земли голыми руками. Цель Фрейда была вытащить на поверхность подсознание, как клубень, и ему было очень неприятно видеть, что другой его опередил и сделал его старания напрасными.

– Этот сон был до предыдущего или после? – спросил он.

Он задал этот вопрос, чтобы выглядеть значительнее, чем был на самом деле. Располагать сны по времени их появления – значит идти по ложному следу, потому что сны движутся не по прямой линии, а по кругу; они становятся периодическими и продолжают повторяться согласно совершенно нелогичным схемам, пока их значение не станет ясным и не будет сублимировано.

Но эти схемы только выглядят нелогичными, просто логика снов отличается от логики бодрствования – как человеческая логика отличается от собачьей. Эту разницу он напрасно пытался объяснить своей маленькой Анне. Она сначала кричала на терьера, которого они держали дома, а потом раскаивалась в этом и баловала его. А Фрейд говорил ей тысячу раз, что так несчастный зверек попадает в конфликт и никогда не поймет, правильно поступил или неправильно.

– Извините, как вы сказали? – спросил Фрейд, который слишком погрузился в поток собственных мыслей и не расслышал ответ.

– Позже, доктор. Этот сон я видел несколько дней назад, но помню лишь несколько образов. И, правду говоря, они меня сильно смущают.

– Прошу вас, продолжайте.

– Я беседовал с папой, но постоянно называл его по его фамилии «отец Пекки», а не «ваше святейшество», как положено. Мне было неловко еще и от того, что святой отец молча смотрел на меня с ласковым упреком. Это все.

«Das ist Alles? Ach, Кошт!» – как щелчок хлыста, прозвучало в уме Фрейда. На его родном немецком языке эти слова значили: «Это все? Ну же, вперед!» Как же так – это все? В новом сне было больше материала, чем в первом, который, вероятно, был порожден внешним событием.

Настало время сделать перерыв – в том числе и потому, что Фрейд хотел сразу же приступить к анализу материала. В следующий раз он собьёт с доброго архиепископа Хоакина де Молины-и-Ортеги, уже кардинала по тайному указу папы, значительную часть спеси, которую тот прикрывает преувеличенной вежливостью.

Лев Тринадцатый снял с себя наушник. Этот аппарат казался ему тяжелее, чем обиды, причиненные старостью, а куча проводов вокруг подбородка похожа на еврейскую бороду. Приставив к решетке хороший акустический рожок, он точно так же услышал бы то, что говорили один другому Фрейд и де Молина. Конечно, эта современная техника все записала, но можно ли ей доверять? Этот вопрос он часто себе задавал.

Папа сморщил нос и занялся другим предметом, причиняющим сразу удовольствие и боль: стал читать свои любимые стихи. Дон Севери, каноник собора в Перудже, сочинил еще одно стихотворение, точнее, перевел с латыни те красивые двустишия, которые сочинил в честь Целестина Пятого. К сожалению, потомки прочитают этот перевод, а не оригинал. И все станут считать, что он писал на таком устаревшем, академическом и напыщенном итальянском языке. «О, какое великодушие побудило тебя к тому – заставило снять с чела тройной венец самому! Так овладело тобой желание жить лишь Богу...» Дательный падеж здесь неверен и в грамматическом смысле, и в богословском.

Переводы всегда чем проще, тем красивее, если смысл слов ясен. Достаточно было бы сказать: «Мой Пьетро, свой венец тройной так торопился ты сложить, поскольку жаждал всей душой для одного лишь Бога жить». Ямб получился бы с небольшой примесью хореев, как у греков, и даже с рифмой. Так мало было нужно, чтобы избежать издевательства над итальянским языком.

Он отложил номер «Паезе» к другим газетам и позвонил в колокольчик. Ронкалли, увлеченно читавший какие-то строки из Песни песней за дверью папского кабинета, вошел даже раньше, чем Лев успел отдышаться после звонка.

– Ты знаешь, как идут дела у австрийского доктора?

– Ваше святейшество, об этом говорить пока рано.

– Вовсе нет! – усмехнулся Лев. – Я хотел спросить, работает ли его аппаратура. Мне еще не ясно, эти современные устройства – создания дьявола или дары Господа.

Ронкалли перекрестился.

– Вероятно, они не то и не другое – или то и другое сразу, ваше святейшество, – ответил юноша и помог папе встать с кресла. – Многое зависит от того, как их применяют. В любом случае похоже, что записи получаются.

Лев склонил голову набок и посмотрел на Анджело, который хлопотал вокруг него, поправляя на нем смятый пояс и расправляя безобразную складку на короткой атласной накидке, покрывавшей плечи папы.

– Ты знаешь, Анджело, что ты совершенно прав? Я думаю, что, если бы фонограф был изобретен две тысячи лет назад, мы бы сейчас слышали голос Иисуса Христа. Это было бы так прекрасно, но нам пришлось бы быть осторожными при переводе. Если даже священники делают ошибки в переводах с латыни, кто знает, что бы сочинили кардиналы, переводя с языка Иисуса. Хорошо; а теперь мы пройдемся по саду и помолимся.

На третьем этаже скользнула в сторону занавеска; из-за нее выглянуло длинное худое лицо кардинала Орельи ди Санто-Стефано. Прелат снял с носа пенсне и стал смотреть на Льва Тринадцатого. Папа шел неуверенной походкой, опираясь на палку. Скоро закончится долгое правление этого папы, и он, камерлинг Орелья, на короткое время станет регентом. Если все пойдет правильно, регентство будет даже слишком коротким. Чтобы вернуть папскому престолу прежнее величие, нужна сильная рука. Народу нужен авторитетный вождь, но еще больше ему нужен вождь властный. Нужен глава, который будет руководить народом и наставлять его, глава, которому люди будут повиноваться во всех случаях частной, общественной и политической жизни. То есть он или Рамполла.

Лев не только отжил свой век, он еще и создал немало бед. Бедой было то, что он упрямо искал компромисс с Королевством Италия, и худшей бедой было это его проклятое, то есть благословенное послание к рабочим под названием «Рерум Новарум». Оно не показало путь к соглашению между рабочими и их хозяевами, зато рано или поздно приведет католиков в объятия социализма, а от этого пострадают общественный порядок и нравственность.

Все говорят о физическом угасании папы, но не беспокоятся о том, что его ум тоже ослаб от старости. Например, эта его последняя причуда: Лев захотел, чтобы он, Рамполла и даже молодой де Молина прошли проверку у врача – еврея и атеиста, который специально приехал для этого из Вены. Зачем это нужно, знает только Лев и, может быть, Бог. Говорят, что этот метод выводит на свет причины самых глубинных страстей и этим освобождает сознание. Это нелепость. Это все равно что желание освободить зверя, укоренившегося в человеке, позволить Сатане выйти из укрытия. Эта система ставит под вопрос даже само таинство исповеди, единственное средство для подлинной свободы, которое Господь дал людям, чтобы они освободили сознание от своих демонов.

К счастью, признаки конца теперь хорошо заметны, и Лев сам не скрывает, что торопится покинуть жизнь и тройной венец. Когда папе исполнилось девяносто лет, Орелья предложил ему использовать предоставленную каноническим правом возможность отречься от престола.

И подчеркнул, что этот поступок приравнивает его к блаженному Пьетро да Морроне, папе Целестину Пятому, который остался в истории только благодаря этому яркому поступку. Однако Лев со своей обычной иронией заверил его, что, находясь в одиночестве, услышал голос Начальника – тут он указал пальцем на небо, и тот сообщил ему, что скоро призовет его для другого, гораздо более легкого дела; поэтому пусть все еще немного потерпят.

Возможно, Начальник забыл о своем обещании, ведь с тех пор прошло три года. Но теперь уже осталось недолго. А потом новый сокол прогонит прочь птиц, которые пиروвали за его столом, и самые молодые и честолюбивые претенденты отправятся в изгнание до тех пор, пока их перья не побелеют, как у него.

Довольный сравнением людей с птицами, которое только что придумал, кардинал Орелья открыл окно и продолжал невидимо наблюдать из него за медленно шагающим папой. Тот уже устал, хотя прошел немного – всего лишь от одной клумбы до другой, и ему помогал идти его комнатный служитель, неизвестный Ронкалли, который отличился лишь тем, что был лучшим из своего курса в папской семинарии. Надо будет найти подходящий момент и поговорить с монсеньором Сполверини, заместителем ректора: самому ректору Орелья не доверял. Пусть укоротит поводья этому скачущему в гору жеребенку и даст ему почувствовать хлыст. Пусть Ронкалли вспомнит, что смирение – добродетель, а гордыня – самый тяжкий из грехов.

Раздался резкий стук в дверь. Кардинал мгновенно закрыл окно, сделал глубокий вдох и сказал, продолжая стоять к двери спиной:

– Входите, ваше высокопреосвященство.

В комнате и в ушах Орельи загремели шаги Мариано Рамполлы дель Тиндаро, который даже летом носил тяжелые кожаные ботинки, а затем в ноздри камерлинга проник тяжелый

запах свежего тюленьего жира. Он взглянул на обувь Рамполлы: она была начищена так, что отражала свет, проникавший в комнату через окно.

– Что случилось нового, госсекретарь? – спросил Орелья. – Мы объявляем войну Англии или Франции или присягаем на верность его высочеству карлику, королю Италии?

– С удовольствием вижу, декан, что вы всегда готовы шутить, – ответил Рамполла; рот его при этом кривился.

Орелья дотронулся правой ладонью до лба и закрыл глаза, изображая внезапный приступ головной боли. Такие приступы действительно у него часто случались.

– Возраст и нынешнее положение дел оставляют нам очень мало удовольствий, а юмор, который вызывает улыбку, а не смех, – одно из них. Жаль, что так мало случаев, когда мы можем позволить его себе.

В ответ раздался громкий смех.

– Ты прав, «смеха много в устах дураков». Эта латинская поговорка верна, а в наше время кое-кто слишком часто смеется, показывая, что не только слишком стар, но и глуп. Но это не мой случай. Исключение подтверждает правило. Или ты так не считаешь?

– Это не юмор, а сарказм; и будь я уверен в том, на кого ты намекнул, я бы боялся за твою душу.

– Глупости! Вспомни лучше, что на греческом языке «сарказмон» означает как раз «разрывающий плоть», терзающий ее, а наши тела уже слишком долго испытывают терзания.

Рамполла не упустил случая показать, какой он эрудит. Орелья слегка похлопал ему, чтобы завершить этот разговор, а потом искоса посмотрел на него и сказал:

– Конец наступит скоро. Я это знаю, и старик тоже это чувствует.

– Да исполнится воля Бога!

Оба несколько секунд глядели друг на друга: каждый ждал, что другой заговорит о том, из-за чего у обоих было тяжело на душе. Наконец старший по возрасту отступил перед старшим по должности. Орелья посмотрел вокруг – вероятно, чтобы убедиться, что поблизости нет даже тени его секретаря, – и заговорил первым:

– Мне не нравится открывать сейф с моими мыслями перед незнакомцем, к тому же евреем и атеистом.

– Мне тоже, – ответил Рамполла, – однако тому, кто невиновен, нечего бояться.

Орелья нахмурился и возразил:

– При всем моем уважении к вам, госсекретарь, никто не может позволить себе бросить первый камень.

В руке Рамполлы появилась овальная сигарета, и вскоре изо рта государственного секретаря вылетело облачко голубоватого и сладковатого дыма.

– Эти сигареты «Фатима» действительно пахнут Египтом. И какое хорошее имя марки для популяризации порока – святое имя дочери Магомета!

Орелья резко повернулся к госсекретарю и направил на него указательный палец.

– Не унывай, Луиджи! Ты только что сказал, что любишь шутить, и я лишь последовал твоему примеру, мой знаменитый декан.

Орелья развел руки в стороны и несколько раз кивнул. Этот жест означал скорее «сдаюсь», чем «одобряю».

– Значит, вот чем ты, видимо, заслужил свою должность секретаря. – Камерлинг немного помолчал, кусая бескровные губы, а потом договорил: – И я хорошо знаю, что в будущем тебя, возможно, ждут другие, гораздо более высокие должности.

Рамполла щелкнул языком и ответил латинской поговоркой:

– Онус эст хонос – Почет – это бремя.

Его собеседник хотел откликнуться на это подходящей латинской поговоркой, но ни одна не пришла ему на ум. Поэтому он подошел к шкафчику, в котором держал легкую наливку

– свой тайный порок, – и наполнил до половины две рюмки из красного богемского стекла – одного цвета с жидкостью. Хозяин и гость сели в кожаные кресла.

– А вина «Мариани» у вас нет? – спросил Рамполла, глядя на драгоценную хрустальную рюмку, украшенную черненым серебром.

– Ты и в самом деле готовишься стать папой.

– Обожаю его – я имею в виду «Мариани». Возможно, дело в чудесной добавке – перуанском кокаине, но я никогда прежде не встречал средства, которое бы так укрепляло силы души и тела. Твоя наливка тоже хороша: она мудрая и старая, как ты. Однако – или, если тебе больше нравится, «кстати» – как обстоит дело с конклавом?

– Ходит слух про Готти. Я тайно поддерживаю его кандидатуру, но не опровергаю и не подтверждаю слух. Поэтому он выиграет первое голосование, но не получит нужного числа голосов. И, – почти печально договорил он, – его шансы на избрание сгорят.

– Я готов взять на себя этот крест. – Сказав это, Рамполла одним глотком выпил содержимое рюмки. – Если, конечно, Господь не будет слишком долго ждать, прежде чем заберет к себе душу нашего господина. Кто еще выходит на арену? И что говорит Лев?

Орелья жадно влил себе в рот последнюю каплю наливки.

– Де Молина-и-Ортега набирает все больше сочувствующих. Это, конечно, безумная мысль: ему только тридцать восемь лет, он ничего не знает о жизни и о том, что происходит в этих стенах. Но его толкает вверх сам Лев – говорит, что Святой Дух не имеет возраста и что благодаря молодости де Молина может обеспечить нам долгую стабильность. А обеспечивать ее де Молина умеет: он держится в стороне, но его поддерживают испанцы, с которыми ты не слишком дружил, когда был нунцием в Мадриде. Для этих идальго ты слишком суров. Еще де Молина нравится самым старым из нас: они видят в нем своего сына.

Рамполла прикусил губу и топнул ногой так, что пол задрожал.

– Стоило бы выяснить, какие у него есть слабости, – резко заявил он. – Де Молина слишком молод, чтобы понимать, что умеренность – главное правило.

– Я сейчас как раз занимаюсь этим.

– Найди его слабое место, и мы бросим его, как мышшь, стае кошек. Ты когда-нибудь видел такое? Они не гонятся за мышью, они дерутся между собой.

– Но в этом случае мышонку удастся сбежать, – заметил Орелья, наклонившись к собеседнику.

– Вот именно! – улыбнулся ему Рамполла. – Мы не хотим ему смерти, помилуй Бог, мы только хотим, чтобы он ушел. Пост нунция где-нибудь в Южной Америке мог бы стать для него большим шагом вверх.

– «Промовеатур ут амовеатур», что значит «повысить, чтобы удалить». До сих пор, слава Богу, это всегда работало, – сказал Орелья.

Он был доволен: наконец-то ему удалось найти подходящую латинскую фразу. В этот момент раздался колокольный звон, призывавший к вечерне. Поэтому Рамполла из рода графов дель Тиндаро обнял и поцеловал в обе щеки Орелью из рода баронов ди Санто-Стефано и вышел, ничего больше не сказав.

Оставшись один, Орелья поправил на голове красную муаровую шапочку. Рамполла уже готов надеть белую шапочку папы. Он поддержит Рамполлу, но лишь в тот момент, когда потеряет надежду надеть ее сам.

Глава 7

На столе еще дымились яичница и две сосиски с пряностями, которые симпатичная и умелая Мария велела приготовить для него, а может быть, догадалась приготовить сама. Ожидая, пока еда немного остынет и будет теплой, Фрейд подчеркнул карандашом фразу великого Гёте в романе «Родственные натуры» – одной из книг, которые привез для себя из Вены. Было что-то совершенно необыкновенное в том, что иногда люди, которые занимаются искусством мысли, начинают с положений, далеких одно от другого как звезда от звезды, а приходят к одним и тем же заключениям.

Он читал эту книгу уже третий раз, но никогда не обращал внимания на эти строки. «Человек, хвастающийся тем, что никогда не изменяет свое мнение, – это путник, который заставляет себя всегда идти по прямой, это кретин, который верит в свою неспособность ошибаться». Это гениально. Ведь человек и сам состоит из изгибов и извилин, пятен света и пятен тени. Все меняется и движется, эмоции бурлят в душе, как лава в жерле вулкана, и человек с застывшими взглядами и идеями, если предположить, что они у него есть, – не что иное, как копченая треска.

Довольный этим удачным сравнением, которое он сразу же записал на книге, Фрейд с удовольствием затянулся сигарой «Рейна Кубана», сладковатый запах которой соответствовал этому утру – уже солнечному, но не слишком жаркому: жару смягчал легкий ветерок, который дул в его комнате по милости двух открытых окон.

В прошлом месяце, читая лекцию в университете, он упомянул о трудностях, с которыми столкнулся при разработке своей теории психоанализа, и о трудном пути среди опровержений и подтверждений, идя по которому, он всегда искал научную истину. Один студент прервал его провокационным вопросом: «Не считаете ли вы, что все ответы и решения уже есть в Библии?» Он тогда ответил, что определенность – это рай для дураков, чем развеселил всю аудиторию, а потом продолжил лекцию. И практически ту же самую идею высказал Гёте. Как жаль, что Гёте родился за сто лет до него!

На лице Фрейда появилось довольное выражение, и оно еще не исчезло, когда вошла Мария, чтобы убрать в комнате.

– У вас хорошее настроение, доктор. Когда человек встает рано, то, даже если он работает, день кажется ему праздником.

– Добрый день, Мария! Спасибо за прекрасный завтрак.

– Для меня было удовольствием готовить его, доктор. Наконец-то я могу приготовить что-то нормальное. Здесь пахнет только манной крупой. Хорошая еда делает жизнь радостнее, а людей добрее. Но я, может быть, мешаю вам своей болтовней?

Зигмунд Фрейд снял очки. Он, в сущности, не привык слышать говорящую женщину, если не считать многочисленных пациенток. Его жена Марта, к счастью, не была разговорчивой, а с сестрами он уже давно порвал все отношения. С дочерьми он, возможно, когда-нибудь станет говорить, но только когда они достаточно вырастут и выучат столько всего, что смогут беседовать с ним как равные. А вот со свояченицей Минной он был не прочь поговорить, но это было до того, как он стал с ней близок. После этого любовный пыл мешал им обоим разговаривать, а удовлетворив свою страсть, они часто молчали из-за какого-то неясного смущения.

– Нет, вы меня не беспокоите, я просто задумался, – ответил он.

«Почему мне захотелось говорить со служанкой?» – удивился он. Может быть, это просто способ отвлечься от забот. А время торопило его: он еще не размышлял над снами де Молины-и-Ортеги, а днем должен будет встретиться с кардиналом Орельей ди Санто-Стефано, который может быть только святым, раз у него даже в имени есть слово «санто» – святой. Однако, судя

по тому, что Фрейд прочитал в тайном обзоре, который принес ему Ронкалли от имени папы, от этого кардинала пахло больше серой, чем ладаном.

Декан носил кардинальский пурпур уже сорок лет; все боялись и уважали его за глубину знаний о жизни Ватикана. Однако в сверхсекретном обзоре он был охарактеризован как вспыльчивый и деспотичный человек, коварный с немногими друзьями и решительный с многочисленными врагами, быстро принимающий решения и твердый в своих намерениях. К тому же имеющий природную предрасположенность к грусти, словно она – неизбежная часть жизни. Эта склонность была заметна по приложенной к обзору фотографии: углы губ опущены вниз. Весьма вероятно, что он один знает больше секретов, чем вся ватиканская полиция, и это дает ему тайную власть, которой он пользуется, оставаясь в тени папы. Несколько коротких замечаний позволяли предположить, что скорее Пий Девятый, а затем Лев Тринадцатый служили Орелье, чем Орелья – им. Встреча с этим человеком – серьезный вызов, и, если удастся прорвать завесу его невозмутимости, – это будет большой победой.

Мария, улыбаясь, подошла к нему, уперлась руками в бока и стала ждать. Фрейд мог прекратить это ожидание только одним способом – рассказать ей, о чем размышлял. Заставить ее ждать дольше было бы невежливо.

– Извините меня, но это было очень приятное размышление. Писатель Гёте и я согласны в том, что определенность – рай для дураков.

– Ох, это для меня слишком трудно, но... – Она дотронулась указательным пальцем до кончика своего языка, и этот жест понравился Фрейду. – Знаете, вы вполне можете быть правы. Но теперь извините меня, если я скажу, что сомнение – ад для умных.

Она улыбнулась, но молчание, наступившее после этих слов, заставило ее смутиться. Она ошиблась. Проклятый длинный язык! Она всего лишь уборщица, горничная, а он иностранный врач и гость папы. Может быть, он даже сделает так, что ее уволят за дерзость. Она расправила на себе фартук и придала лицу соответствующее выражение, чтобы исправить ошибку.

– Прошу прощения, доктор, больше я вас не побеспокою.

Фрейд поднял руку, делая ей знак остановиться, и она замолчала.

– Нет, не извиняйтесь, – серьезно сказал он. – Я даже размышлял над вашими словами. Меня поразила ассоциация между раем и адом. Как она пришла вам на ум?

– Это просто, – с облегчением ответила Мария. – Это игра, в которую иногда играют женщины, чтобы позабавиться. Она называется «перевертыши». Женщины ставят стулья в круг, одна начинает игру короткой фразой, а ее соседка справа должна сказать ей фразу из слов, противоположных ее словам. Если соседка ошибается, то платит штраф, и мы много смеемся. Вы сказали «рай для дураков», а я наоборот – «ад для умных».

Он трудился много лет, изучая механизмы ассоциации идей, с помощью ряда ключевых слов вызывая другие слова в уме пациентов, и связи между словами помогали исследовать самые темные углы их подсознания и их неврозы. Но все было не так просто: механизмы внутренней цензуры часто вынуждали человека говорить противоположное тому, что он думал. Если вместо того, чтобы тревожить пациента просьбой принять участие в медицинском эксперименте, он будет просить их играть в перевертыши, будет достаточно перевернуть ответы – и он получит результаты, не искаженные никакими преградами. А что, если...

– Доктор, вы хорошо себя чувствуете?

Фрейд очнулся от своих размышлений и взглянул на Марию – скорее задумчиво, чем удивленно. Потом энергичным движением руки он велел ей сесть у письменного стола. Его желудок отозвался на запах яиц и колбасы, но сейчас у Фрейда было на уме другое.

– В таком случае, – сказал он Марии без всякой подготовки, – если я скажу вам «вода», что вы ответите?

– Огонь!

– Ребенок.

- Старик.
- Дом.
- Земля.
- Мясо.
- Рыба.
- Секс.
- Доктор!

– Простите меня, Мария. – Фрейд притворно кашлянул. – Я не хотел быть нескромным. Это основные слова, которые являются частью моей методики. Может быть, я объясню вам это в другой раз. Очень вас благодарю. – Он взял с тарелки сосиску. – Не хочу вас больше задерживать: я думаю, у вас много дел.

Горничная встала и слегка поклонилась, а затем начала убирать постель. Она чувствовала, что вела себя как настоящая дура, и надеялась, что доктор не заметил, как она покраснела, словно послушница, которая несколько последних лет своей жизни только и делала, что перебирала чётки.

Мария отлично знала и мир, и секс, хотя теперь не имела мужа. Она в одиночку вырастила дочь. Девочке уже начинали нравиться похвалы, которые мальчишки ей кричали.

Если бы сама она в этом возрасте посмела поднять взгляд в ответ даже на самую невинную похвалу, мать дала бы ей пощечину. Но времена изменились, и Мария, которая работала каждый божий день с утра до вечера, не знала, как уберечь от греха дочь. Работала она у своей матери в винной лавке и уборщицей в Ватикане – в двух местах, где чаще всего называют имя Бога, но с разными намерениями.

Мария надеялась лишь на то, что удовлетворят ее просьбу взять дочь к себе в помощницы. Может быть, согласятся теперь: с приездом этого доктора у нее стало больше дел. Несколько лишних чентезимо им не повредят, но Мария взяла бы ее на эту службу и бесплатно, лишь бы дочь была рядом.

Горничная подошла к окну под предлогом, что должна его вымыть, открыла его, выглянула наружу и стала медленно считать до десяти. В эту игру-гадание она играла с детства, и было огромное множество вариантов игры. Если она увидит идущего по саду священника до того, как закончит считать, ее желание сбудется. Дойдя до семи, она стала считать медленнее, и на слове «девять» увидела красную шапочку. Она увидела не просто священника, а епископа. Бог услышал ее молитву: Крочифиса будет работать вместе с ней.

Когда Мария ушла, Зигмунд Фрейд только что доел свой завтрак; яичница успела остыть. В следующий раз он позаботится о том, чтобы поесть перед тем, как заговорить, или даже пригласит ее перекусить вместе с ним. Эта женщина вовсе не глупа, даже наоборот: у нее есть тот крестьянский ум, которым обладают деревенские старушки. Ему было бы приятно продолжить начатый разговор. Но, может быть, лучше его не продолжать. В его теперешнем положении легко может развиться синдром Фауста. Ах, этот благословенный Гёте! Как он умел исследовать самые скрытые тайники человеческой души! Он врач, как Фауст, а неопытная послушная Мария была бы идеальной Маргаритой, покорной исполнительницей его желаний. Жаль, что финал у Гёте трагический: оба умирают.

А теперь – конец этим нелепым фантазиям. Будь он верующим, несомненно, приписал бы их чьему-то злому влиянию, может быть, как раз козням коварного гётевского Мефистофеля. Было совершенно необходимо взяться за работу, и Фрейд обратился к записям о снах де Молины-и-Ортеги.

Второй сон, в котором тот называл святого отца его фамилией Печчи, а тот его молча упрекал. Тут все ясно как день. Де Молина-и-Ортега чувствовал себя виноватым перед папой из-за чего-то, а точнее, из-за какого-то греха. Грех по-итальянски «пеккато», и звучащая похоже фамилия Печчи явно заменяла это слово. Значит, тут было отклонение, характерное

для кошмаров, которое прикрывало сознание виновности, заключенное в самой проступке. В сущности, де Молина хотел искупить свою вину, то есть получить от нее удовлетворение, что подтверждало теорию Фрейда: сон выражает потребность удовлетворить желание. Кажется, в католическом учении согрешить можно действием или бездействием. Значит, де Молина совершил какой-то греховный поступок или, что вероятнее, нарушил какой-то моральный долг.

В первом сне нужно было подробнее изучить многие элементы. Пара, которая вела или несла де Молину, – возможно, его родители. Это предположение подтверждается тем, что он подчиняется их требованию держать глаза закрытыми, показывая свое доверие к ним. Но вот движение разноцветных звезд, в том числе маленькой яркой звездочки, которая то появлялась, то исчезала, поставило Фрейда в тупик. Или речь шла просто о непогашенной лампе, тогда это материальная, физиологическая забота, и никакого значения в этом нет. Или, что вероятнее, звезда могла означать свет надежды в хаосе ночного небосвода. Тогда этот свет – прощение папы, которое бы удовлетворило желание де Молины, или прощение Бога, но Бог во снах часто появляется в виде мощного света, а не маленького мерцающего огонька.

Фрейд закрыл тетрадь с заметками и стал думать, раз за разом втягивая в себя дым сигары «Дон Педро» со вкусом ванили. Эти движения убаюкивали его своим медленным ритмом. Другая сигара «Дон Педро», с запахом коньяка, лежала в кармашке пиджака; она достойно завершит трапезу, какой бы та ни была – обильной или скудной.

Сигара еще горела, когда Фрейд почти неохотно спустился в столовую. Гибкие завитки голубоватого дыма, поднимаясь вверх, соединялись один с другим, как объединяются танцовщицы в танго, – и пересекали полосу света и мелкой пыли, образованную солнечными лучами. Фрейд, следя за ними, все выше поднимал голову, насколько позволяли шейные позвонки. Уже пару лет он каждый раз, когда шевелил шеей, слышал зловещий скрип костей, который его тревожил. И все это из-за неестественной позы, в которой он сидит в кресле, выслушивая пациентов. Однако, когда взгляд уперся в потолок, высота этой расписанной фресками поверхности вызвала у доктора приятное сокращение половых желез.

Опуская голову, Фрейд заметил своего шофера Августа, который сидел в одном из углов. Ученый поздоровался с ним движением ладони, а шофер встал и торопливо поклонился. Разговорчивым он не был, но воспитанным был. Столовая находилась на первом этаже, и через ее большие окна можно было увидеть сад. Окна были облагорожены шторами из белого льна с вышитыми фигурами персонажей Ветхого Завета – слишком много фигур. Пепельницы на столе не было, поэтому Фрейд погасил сигару о тарелку с хлебом. Монахиня средних лет, не поздоровавшись, подала ему меню, из которого он выбрал макароны с помидорами, котлеты под соусом с картофельным пюре и кварту вина «Кастелли».

Ожидая, пока принесут заказ, он открыл «Оссерваторе Романо», который принесли ему в комнату. Когда он перевернул страницу, ему на брюки упал сложенный вдвое листок бумаги. Фрейд взял эту записку в руки – и сразу нахмурился. В ней было написано:

«Я должен увидеться с вами как можно скорее. В Сикстинской капелле, как только вы закончите».

Тот, кто это написал, явно считал, что будет узан без подписи, раз не поставил свое имя под запиской. Фрейд был больше обеспокоен, чем озадачен, но понимал, что должен ожидать этого и других подобных случаев в месте, обитатели которого почти две тысячи лет занимались только тем, что интриговали и устраивали заговоры.

Глава 8

Добраться до Сикстинской капеллы было нелегко. Зигмунд Фрейд поднимался и спускался по лестницам и несколько раз оказывался на одном и том же месте. Он бы охотно задержался в длинной галерее с огромными географическими картами и был – правда, на слишком короткое время – очарован «Афинской школой» Рафаэля в станце делла Сеньятура (комнате Подписей). Платон там поднимает палец вверх, а Аристотель опускает руку вниз: у первого – мир идей, у второго – практика жизни. Это все равно что примирить дьявола со святой водой, однако художник, кажется, справился с задачей.

К нему подошел швейцарский гвардеец и спросил по-английски, что он ищет. Фрейд ответил ему по-немецки, и швейцарец, услышав свой родной язык с мягким австрийским акцентом, провел его к заднему входу капеллы, шагая впереди доктора с короткой алебардой в руке, словно служил ему эскортом. Они шли среди суровых фигур прежних пап, которые с картин следили взглядами за проходившим мимо них врачом – евреем, атеистом и курильщиком.

Войдя в капеллу, Фрейд сразу же оказался перед гигантской фреской – «Страшным судом» Микеланджело. Она как будто сама придвинулась к нему вплотную. Когда прошел первый момент потрясения, ученый огляделся. Капелла была полна бурлящей толпой; в основном здесь были миряне-буржуа с женами, матерями и сестрами; женщины были одеты в темные длинные платья, стянутые в поясе лентами с бантами, и закрывали лица вуалями. Окинув эти темные пятна взглядом, Фрейд решил, что они плохо сочетаются с яркими красками, сияющими на всех четырех стенах и на сводчатом потолке. Здесь гораздо больше подходит его собственный костюм в колониальном стиле, хотя, возможно, костюм слишком помят.

Фрейд почувствовал, что кто-то коснулся его руки, и отдернул ее – а потом встретился взглядом с де Молиной-и-Ортегой.

Увидев ученого, тот сразу же сказал:

– Спасибо, что пришли.

Значит, записку написал он.

– Мое почтение, ваше высокопреосвященство, – ответил Фрейд, хотя помнил, что на сеансе молодой прелат просил называть его по имени.

– Прошу вас, посмотрите на центр свода, где Адам получает от Господа жизнь. – Де Молина подал доктору большой театральный бинокль. – Что вы видите?

Фрейд несколько секунд возился с настройкой и наконец навел бинокль на центральную фреску – она находилась в двадцати метрах над их головой.

– Хорошо посмотрите на то, как ведет себя Адам, – продолжал говорить де Молина-и-Ортега. – Он начинает жить, должен бы чувствовать счастье; но его лицо выражает покорность, а может быть, даже печаль.

Фрейд готов был признать, что собеседник прав. Даже поза первого человека своей расслабленностью выражала безволие. Нечто похожее он наблюдал у самых депрессивных пациентов.

– А теперь, если вам удастся, наведите бинокль на лицо Бога. Я знаю, что это кажется невероятным, но глаза нет, и лицо ничего не выражает. Микеланджело, конечно, знал, что делал, но какой вывод сделаете вы?

Ни один наблюдатель не мог бы рассмотреть эту подробность, стоя на полу, но с помощью бинокля Фрейд смог выяснить, что Де Молина был прав и на этот раз. Это очень странно. В ту эпоху великие мастера ничего не делали случайно: они должны были внимательно исполнять желания заказчика, чтобы не рисковать своей жизнью. А Микеланджело в этом случае вообще имел дело с грозным папой Юлием Вторым – фамилия которого, кажется, была делла Ровере. И писал только святые фигуры потому, что одни лишь князья Церкви имели чем заплатить за

его искусство. А светские князья следовали тому же ритуалу, чтобы не навлечь на себя гнев Бога. Но когда Микеланджело ради удовольствия изображал лица простых людей, это всегда были сцены нищеты или мести, почти никогда – спасения.

Поэтому Фрейду пришла на ум догадка: Микеланджело рассчитывал, что на такой высоте никто не заметит отсутствие Божьего глаза. А ведь оно метафорически означает, что Бог не присутствует в мире. Если бы кто-нибудь хотя бы заподозрил это, великий живописец был бы повешен, несмотря на все свое мастерство.

Возвращая прелату бинокль, Фрейд помедлил несколько секунд, прежде чем ответить: нужно было вытеснить из ума эти исторические предположения и сосредоточиться на современных догадках. Просьба де Молины-и-Ортеги явно означала или душевный дискомфорт, или желание продолжить первый сеанс. Своими вопросами де Молина, несомненно, хотел сказать ему что-то, о чем раньше молчал, и от ответа зависело, закроет прелат перед ним свой внутренний мир или откроет, а открытость была необходима для успеха следующих встреч.

Конечно, это место совсем не подходило для попытки пробить окно в душу кардинала, но упустить такую возможность Фрейд тоже не мог. При этом он должен говорить авторитетно, как положено врачу. Доктор вынул из кармана часы, посмотрел на них, вздохнул и сказал:

– Я полагаю, Микеланджело хотел показать, что человек осужден на несчастья. Но, – внезапно добавил он, увидев, как радость озарила лицо де Молины, – я не думаю, что вы позвали меня сюда для того, чтобы показать детали фрески.

Кардинал приготовился ему ответить, но внезапно выражение лица де Молины изменилось. Фрейд понял: собеседник увидел кого-то у него за спиной. Чтобы не смутить де Молину, ученый подавил инстинктивное желание повернуться. А кардинал в этот момент указал ему неясным движением руки на что-то вверху, изобразил на лице улыбку, попрощался с Фрейдом и исчез за маленькой дверью слева от «Страшного суда».

Лишь тогда Фрейд повернулся, чтобы посмотреть, не наблюдает ли кто-нибудь за ним самим, но никого не заметил: ни один взгляд не был направлен на него. Охваченный любопытством и тревогой, которая была сильнее любопытства, он вышел во двор, где ему было легче ориентироваться, и направился к входу в Ватиканский дворец, потом поднялся по лестнице и заперся в своем кабинете. В его ладони возникла маленькая сигара «Трабукко», и, только сделав несколько затяжек, Фрейд осознал, что зажег ее. Курение успокаивало его и помогало думать о встрече с де Молиной.

Прелата что-то спугнуло как раз в тот момент, когда он собирался сказать ему что-то, и это было нечто важное, раз тот не смог дожидаться следующего сеанса. Реакция де Молины-и-Ортеги могла означать, что тот должен был что-то скрывать и боялся быть замеченным вместе с Фрейдом, словно кто-то ждал его у входа. А может быть, именно этот кто-то должен был что-то скрывать, и де Молина боялся его реакции.

Все слишком сложно, и вообще это не его дело. Он разработал свою науку не для того, чтобы в каком-то смысле подражать Шерлоку Холмсу, творению гениального Артура Конан Дойла; он следовал только за Гёте – изучал человеческий разум. Он врач – и этим все сказано! Хватит строить заумные догадки о том, что его не касается!

Против его желания на губах появилась легкая улыбка: за две тысячи лир в неделю, даже если недель будет всего две, он – и это правда – взялся бы расследовать даже тайну Лурда и подверг бы психоанализу труп несчастной Марии-Бернарды Субиру. К тому же за эти две тысячи от него требуют даже не результатов, а только мнений.

Но, может быть, он не прав, что плохо думает о себе. Раз верно (а в этом нет никакого сомнения), что с помощью толкования снов можно выявлять скрытые желания и попытки их удовлетворить, то его метод, несомненно, помогает обнаружить вероятные преступные наклонности.

Он дождался того момента, когда приятная щекотка на языке вот-вот должна была перейти в раздражающее пощипывание, и сделал последнюю затяжку «Трабукко». Дым, столкнувшись со стеклами окна, полетел назад и обвился вокруг доктора; Зигмунд сделал вдох носом, чтобы насладиться быстро исчезающей сладостью, характерной для итальянских сигар.

Раздался второй из трех ударов колокола, возвещавших, что наступило три часа дня, когда Фрейд услышал стук в дверь своего кабинета. Вошел молодой священник с румяными щеками и уже заметным брюшком. Он приветствовал доктора легким поклоном, а затем низко – насколько позволял живот – поклонился входящему декану коллегии кардиналов. Посетитель был назван «его высокопреосвященство кардинал Луиджи Орелья ди Санто-Стефано».

Утром Фрейд думал о Мефистофеле из «Фауста» – и вот Мефистофель появился. Молодой Густав Юнг убеждал Фрейда поверить в совпадения. Если бы Зигмунд с ним согласился, это сходство показалось бы ему многозначительным и не случайным, а порожденным таинственными силами. Рано или поздно он вытряхнет из головы молодого ученого эти нелепые теории.

Но в любом случае у Орелья нос крючком, острый подбородок и губ почти нет, отчего рот похож на капкан. Достаточно надеть на голову колпак с фазаньим пером, и этот кардинал мог бы достойно изобразить театрального Мефистофеля. Для этого персонажа подошла бы и одежда Орелья – вся черная, кроме пурпурной каймы и, разумеется, золотого воротника. Распятие казалось почти вдавленным в грудь. Она была немного впалой – может быть, это симптом начинающегося туберкулеза.

– Приятно познакомиться с вами, ваше высокопреосвященство. – Фрейд повторил то обращение, которое произнес секретарь кардинала. – Прошу вас, садитесь.

Руку посетителю ученый пожал слабо, почти по-женски: вероятно, рука кардинала больше привыкла к поцелуям. Орелья нашел взглядом кресло и сел в него, скрестив ноги. Беря в руки блокнот, Фрейд заметил, что священник, вошедший в кабинет впереди кардинала, тоже сел на один из стульев у письменного стола.

– Я думаю, нам было бы уместно остаться вдвоем, – сказал Фрейд достаточно громко, чтобы священник мог его услышать.

– Я предпочитаю иметь свидетеля, – сухо ответил Орелья. – Я нахожусь здесь по желанию его святейшества, которому должен повиноваться, но совершенно не намерен подчиняться его требованиям.

Фрейд надел колпачок на ручку, положил блокнот на колени и скрестил пальцы на подбородке.

– Вы иезуит, падре?

– Нет, – холодно ответил Орелья. – Я только священник, уже больше пятидесяти лет.

– Извините меня, но ваше решение подчиняться папе, в то же время отказываясь от этих неформальных встреч, показалось мне коварным и изворотливым, типичным для ордена иезуитов. Разумеется, я не хотел вас обидеть.

– Понимаю вас. Впрочем, вы, евреи, – мастера ловить человека на ошибке. Так поступили с Христом, сыном Божьим.

– Я бы так не поступил, – сказал Фрейд, успокаивая посетителя.

– Это сделал ваш народ, который его убил.

– Простите, но и Борджа был избран папой! – невольно вырвалось у Фрейда.

Сеанс с де Молиной-и-Ортегой закончился стычкой, и это было настоящее объявление войны. А на применение оружия отвечают или белым флагом, или более сильным залпом. Мефистофель посмотрел на него хмуро и, кажется, с некоторым уважением. Затем Орелья молча поднял руку, повернул ладонь вверх, и сопровождавший его священник выскользнул из комнаты, как черный призрак.

– Теперь вы довольны? Я сделал первый шаг. Я подставил щеку, как учит Христос, но у меня только две щеки, доктор Фрейд.

– Это значит, что вы человек, несмотря ни на что. А я со своей стороны не стану просить вас лечь на диван, как обычно делают.

– Я этим польщен.

Из загадочного кармана, который скрывался между складками рясы (Фрейд никогда бы не заподозрил его существования) Орелья вынул портсигар и зажег одну из хранившихся там сигарет, а использованную для этого спичку положил обратно в коробок. Значит, кардинал курит, подумал Фрейд. Возможно, курение станет тем троянским конем, который поможет ему приобрести доверие, необходимое, чтобы проникнуть в душу кардинала – конечно, если под этой мефистофелевской оболочкой есть душа. Ученый вынул еще одну «Трабукко».

– Я составлю вам компанию.

Пока он зажигал свою сигару, Орелья слегка улыбнулся и заговорил:

– Вас удивляет, что я курю, поэтому расскажу вам одну историю. Два молодых послушника, доминиканец и иезуит – а вы приняли меня за иезуита, – имели вредную (она действительно вредна) и порочную привычку – курение. Они решили, что каждый отдельно от другого попросит у ректора разрешения курить. Когда на следующий день они встретились, доминиканец был расстроен. Он сказал: «Ректор не дал мне разрешения». «Как же так? – спросил иезуит. – Мне он разрешил. Не понимаю, в чем дело. Что ты у него спросил?» – «Можно ли мне курить, когда я молюсь». – «Ты ошибся, друг, – сказал иезуит. – Я просто спросил его, можно ли мне молиться, когда я курю».

Фрейд поперхнулся дымом и закашлялся; пока пытался подавить кашель, начали слезиться глаза. Ученый несколько раз кивнул, потом встал, взял с письменного стола стакан с водой и медленно выпил ее, обдумывая свой ответ на анекдот кардинала. Прошло больше четверти часа с тех пор, как Орелья вошел сюда, а он еще ни на шаг не продвинулся вперед. Кардинал, несомненно, использует свой метод, чтобы отвлечь его от дела, в котором должен участвовать, повинувшись папе, – и это очень эффективный метод. В самом деле: если он окажется не в состоянии проанализировать психику кардинала, тот не будет в этом виноват. Орелья в душе настоящий иезуит, хотя и заявил, что не состоит в их ордене.

Ответить нужно в том же духе. Фрейд сел, взял блокнот и сделал вид, что делает какие-то заметки, а в действительности написал себе напоминание купить новые сигары «Боливар», которые ему посоветовал попробовать хозяин табачной лавки с улицы Систиана.

– Спасибо, ваше высокопреосвященство. На сегодня мы, пожалуй, закончим, – объявил он и улыбнулся.

Орелья полузакрыв глаза за стеклами очков в металлической оправе. В первый раз с начала беседы он был в затруднении: Фрейд заметил, что руки кардинала слегка дрожали. Притворившись, что выиграл, и этим вызвать у противника сомнения – это, кажется, лучший выход из тупика, в который его загнал кардинал. Орелья встал и с явным беспокойством пристально взглянул Фрейду в глаза, пытаясь понять, блефует ученый или нет. У Фрейда не дрогнула ни одна ресница. Он тоже встал и пожал кардиналу руку. На этот раз пожатие было сильным, но не встретило сопротивления.

– До скорой встречи, ваше высокопреосвященство. Беседа с вами была настоящим удовольствием.

Когда Орелья ушел, Фрейд открыл окно, чтобы проветрить комнату и подышать запахом глициний, которые раскинулись поверх железного навеса. Под навесом проходила дорожка, усыпанная мелким белым гравием. Доктор никого не увидел, но услышал скрип ботинок, ступавших по дорожке, и поэтому лег на диван, а перед этим снова зажег успевшую погаснуть «Трабукко». Он вытер пот со лба, и было бесполезно уверять себя, что пот возник только из-

за жары. Эта напряженная встреча обессилила его, и к тому же он ничего не добился, разве что понял, какое трудное поручение ему дано.

Сегодня вечером он поговорит об этом со своей женой Мартой. Звонок по телефону лучше, чем холодная телеграмма. Похоже, он начинает скучать по Марте.

Он положил сигару в пепельницу и закрыл глаза, решив уснуть и увидеть сон, чтобы попытаться с помощью бессознательного преодолеть свою тревогу. После многих лет упражнений и попыток он теперь был уверен: чтобы вспомнить сон, нужно лишь упорно и твердо желать этого.

Его пациенты тоже успешно применяли этот метод, который зависел от волевого усилия. Но труднее оказалось заставить себя спать, когда мысли без перерыва мчатся в голове одна за другой. Однако и для этого случая он разработал систему подготовки ко сну: надо погрузиться в какую-то одну мысль, докопаться до дна всех ее углублений и обследовать все ее углы.

Сейчас он решил сосредоточиться на кровосмесительном сне, который видел в день отъезда и еще недостаточно исследовал. Ему требовалось проанализировать этот сон в одиночестве. Такой трудной задачи перед ним никогда не стояло, но это была плата за то, что он первый понял важность психоанализа. Возможно, в будущем кто-то из его последователей сможет ему помочь, но это время еще не настало.

Он снова подумал о том сне. Само собой разумеется, что речь шла об удовлетворении какого-то желания. Нужно выяснить с помощью анализа, по какой причине это стремление проявилось в виде противоестественного образа его дочери Матильды. Вдали, словно огонек в тумане, возникло решение. Фрейд ускорял его приближение, пока не сумел с трудом восстановить логику сна. Он беспокоился из-за того, что другие считали его дочь некрасивой, и, как отец, хотел ее защитить. Поэтому поставил себя на место возможного поклонника и был, как отец, счастлив в тот момент, когда тот пожелал Матильду.

Это было проще, чем он думал; то, что он не заметил сразу же эту связь, непростительно. Но часто бывает, что надо дать сну время отстояться в уме, как дают время подняться тесту для пирога. Нужно сделать так, чтобы время позволило сну разрастись и показать себя таким, каков он на самом деле. Для этого нужны время, умение и желание. Он уснул с мыслью, что эти три компонента необходимы для освещения темных сторон фактов. Нужно будет записать эту мысль, как только он проснется.

Глава 9

Эта ночь выдалась безветренной, поэтому уже с утра было душно от зноя, и мокрая от пота одежда прилипала к коже. Толпы брали приступом римские фонтанчики, но стеклянные бутылки и глиняные графины двигались не очень энергично, потому что люди обливались потом только оттого, что махали руками и кричали «поторопись». На углу улицы Панико и переулка Сан-Чельсо остановилась карета с гербом Ватикана. Из нее вылез мужчина с письмом в руке, выругал жару и решительным шагом вошел в винную лавку. Внутри было темно; помещение освещали только отблески света, проникавшего через дверь. Кто-то отодвинул зеленую занавеску, которая больше служила преградой, не выпускающей наружу дым и запахи, чем защитой от жары. Мужчина огляделся и заказал стакан «Альбаны», которую коренастая женщина налила ему из бочки, стоявшей позади прилавка. Посетитель выпил вино одним глотком, и у него по шее сразу потекла струя пота. Мужчина осушил второй стакан того же вина, потом третий – и наконец почувствовал радостное бурление своего желудка.

– Это вы Мария Монтанари? – спросил он женщину, стоящую за прилавком. Двадцать лет назад она бы показалась ему привлекательной.

– Это моя дочь, – ответила женщина и уперлась руками в бока. – Кто ее спрашивает?

Мужчина вынул из заднего кармана брюк помятый конверт.

– У меня есть для нее письмо.

Женщина протянула руку, но посетитель отвел свою назад и добавил:

– Личное.

Женщина пожала плечами и прокричала имя своей дочери, которая в это время обслуживала клиентов у одного из столиков. Мария, услышав, что ее зовут, подошла к прилавку. Мужчина улыбнулся ей, хотя в ряду его желтоватых зубов были большие пустоты, а уцелевшие верхние зубы чудом держались в кровотокающей десне.

Да, это женщина, какой ей велел быть Бог – с широкими боками и большой грудью. Судя по размеру талии, не очень узкой, она была беременна один раз или несколько. Если бы эта Мария захотела, он бы сделал ее беременной четыре раза, а то и больше.

– Письмо пришло от самого его святейшества, нашего папы, – заносчиво сказал он. – Разве я не заслужил хотя бы поцелуй?

– Дай мне письмо, хам, – холодно ответила Мария, вырывая конверт у него из руки.

– Отстань от нее, – вмешалась мать. – И будь доволен тем, что не заплатишь за вино.

Мужчина, покачиваясь, вышел на улицу, а потом в лавке стало слышно, как он хриплым голосом кричит на лошадь и как колеса кареты подпрыгивают на булыжниках. Клиенты в лавке снова принялись за игру. Встревоженная, Мария, стоя за прилавком, распечатала письмо под взглядом смотревшей на нее с любопытством матери.

– Оно от отца эконома! – воскликнула Мария. – Мне разрешают брать с собой Крочифису, чтобы она мне помогала. Может быть, со временем она тоже сможет поступить на службу.

Мать скривила рот, нахмурилась и пристально посмотрела ей в глаза. Мир жесток, и в нем за каждую оказанную тебе услугу надо платить, если только она не оплачена заранее. Мария заметила взгляд матери и ответила на ее немой вопрос:

– Не думай всегда плохое; может быть, они решили, что мне нужна помощница из-за того, что приехал этот доктор-австриец.

– А может быть, – закончила разговор мать, ополаскивая стаканы, – это Провидение решило подумать о нас, бедных. Но будь осторожна: когда одна рука ласкает, другая может быть спрятана за спиной. А что касается этого доктора Фрейда, ты говоришь о нем слишком часто; он богатый человек, иностранец и знает о мире больше, чем ты и я.

Мария покачала головой в ответ на озабоченность матери. Кроме слов о докторе Фрейде, все остальное может быть правдой, и она будет осторожна, как обычно, потому что ее дочь – самое дорогое, что у нее есть в мире. Но, господи, где, если не в Ватикане, можно найти самое лучшее место, чтобы эта горячая головка была в безопасности? Мария ушла в комнату за лавкой и там ополоснула руки в раковине, чтобы смыть с ладоней пятна вина и его запах. Отверстие в уборной, как обычно, было грязным: ни одному клиенту не удастся справить нужду в центр дыры, и Марии уже давно надоело чистить ее за каждым.

Нет, Крочифиса будет жить иначе! Может быть, она станет служить у какого-нибудь синьора и бывать в приличных домах, а не выйдет замуж по необходимости, уже беременная, за первого встречного, как вышла она. Будь проклят ее муж, и будь проклята она сама за то, что поверила его обещаниям устроить ей честную трудовую жизнь. Может быть, дочь будет служить как раз в доме этого любезного доктора. Правда, он живет в Вене. Но, насколько ей известно, австрийский император – католик и человек богобоязненный, хотя и султан у мамелюков. Жертва, которой станет разлука, будет вознаграждена: дочь будет далеко от той проклятой среды, в которой живет она сама. Сейчас это были лишь мечты, и Мария хорошо знала об этом, но без мечтаний жизнь была бы еще беднее, и они, по крайней мере, ничего не стоили.

Мария засунула письмо в корсет, поправила волосы и вышла из винной лавки под суровым взглядом своей матери. Завернула за угол и без стука вошла в свой дом. Ее дочь лежала на кровати лицом к стене и спрятав под животом ладони, которые быстро двигались. Мария отвернулась и, стараясь как можно меньше шуметь, пошла в комнату своей матери – взять две легкие шали. Кроме службы, дочери нужен еще и муж.

Крочифиса в фартуке, уже слишком коротком для нее, подпрыгивая, шла впереди Марии; дочь не вертелась из стороны в сторону, но оставалась глуха к требованиям матери вести себя сдержаннее. Проходя по мосту Элио, Мария, страдавшая от жары, рассеянно смотрела на дам, которые шли под руку со своими кавалерами и в большинстве случаев защищались от солнца белыми зонтиками. Как им удастся не потеть и выглядеть изящно в эту жару? Может быть, дело в том, что у дам талия сжата, и это заставляет их держаться прямо и не дышать как кузнечные мехи. Мария попыталась подражать им: изогнула спину как гусыня и пошла медленнее, но едва не потеряла из виду Крочифису, громко позвала ее и привлекла к себе полные упрека надменные взгляды, в ответ на которые подняла подбородок.

Хорошо живется господам: они ничего не делают и предоставляют другим трудиться и уставать. Поговорку, что труд облагораживает, конечно, придумал знатный человек, чтобы заставить бедняков поверить, будто они, работая, станут такими, как он; а сам бездельничал весь день. На самом же деле чем богаче эти знатные господа, тем образованнее они становятся и тем невежественнее делаются такие люди, как она; поэтому господам легче управлять ими и заставлять их всегда говорить «слушаюсь».

Она схватила за руку Крочифису, и обе зашагали по переулкам, которые вели в Ватикан, где было немного пролады и можно было избежать плохих встреч с господами и дамами, которые так задирают нос, словно у них воняет изо рта. Чтобы поднимать его кверху, хватает зловония от мусора на каждом углу и от кошачьей мочи.

Правда, не все господа ведут себя высокомерно. Австрийский доктор не такой, а он, должно быть, важная особа, раз сам папа пожелал видеть его у своего изголовья. Бедный папа: говорят, он вот-вот отдаст душу Богу. Нет, доктор Фрейд человек приличный: он много раз говорил с ней. И совсем не высокомерный, хотя носит очки и имеет седую бороду. Если бы она была дамой, доктор, может быть, стал бы ухаживать за ней. Мария поняла это по одному его взгляду. Такие взгляды были ей хорошо знакомы, хотя Фрейд тогда смотрел на нее с уважением.

- За чем ты должна приглядывать? – спросила она у дочери, которая смотрела на нее пристально и, по ее мнению, странно.
- Я ничего не знаю. Ты, кажется, занята только своими делами.
- Я имею на это право, разве не так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.